

249

6

РЪЧИ

РИШЕЛЬЕВСКАГО ЛИЦЕЯ.

СЪ 1838 - 44 ГОДЪ.

Убо отомъ моихъ запискахъ
и старинныхъ Записки,
пронесенныхъ въ Императорскій
Собрании Императорскаго Музея

1.	20	Лонд	1838	
2.	—	—	1839.	
3.	22	—	1840	
4.	—	—	1841	
5.	21	—	1842	
6.	20	—	1843	
и 7.	18	—	1844.	
<hr/>				1, 4 ⁰

Мин

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМ. ПЕТРИКОВА

Р В Ч И,

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ
РИЩЕЛЬЕВСКАГО ЛИЦЕЯ

20-го Іюня 1858 года.

№ 14

LIBRARY

28/05/13

634002

249
6

Одесса.

ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1838.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І. МЕНЧИКОВА

КАНТЪ,

ПЯТЫЙ ВОСПИТАНИКАМИ РИШЕЛЬЕВСКАГО ЛИЦЕЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕН-
НОМЪ СОБРАНИИ ЕГО 20-го ЮНЯ 1858 ГОДА.

Геніемъ наукъ любима
И мечемъ своимъ сильна,
Славой Греціи и Рима
Наша родина славна.

* * *

Двѣ Звѣзды надъ ней сіяютъ,
И съ державной высоты
Лавръ Побѣды озаряютъ
И Поэзіи цвѣты.

* * *

О, сіяйте беззакатно
Звѣзды родины святой,
Озаряя благодатно
Нашу славу, нашъ покой!

Печашано по опредѣленію Лицейскаго Совѣща. Одесса, 17-го Юня, 1858 г.
Секретарь П. Артымовъ.

249

6

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА І.І. МЕЧНИКОВА

7

Пусть, могуча и прекрасна,
Будетъ Русь, какъ вѣкъ была:
Для враговъ своихъ ужасна,
Для Парнасскихъ дѣвъ мила!

М. де Ларю.

ЗНАЧЕНІЕ ФИЗИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ

И

ИХЪ РАЗЛИЧНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ.

Почтеннѣйшее собраніе, къ которому въ настоящее время имѣю честь обратить слова мои, конечно вмѣстѣ со всеми нами, принимаетъ участіе въ торжествѣ, знаменующемъ первый годъ преобразования высшаго учебнаго заведенія въ южномъ краѣ Россіи. Принимать въ торжествѣ семь участіе полное, чистосердечное, значить изблечить душу, отверстую для впечатлѣній всего истиннаго и высокаго. Только въ этомъ участіи, только въ томъ вниманіи, которое Вы, ММ. ГГ., обращаете на современное развитіе наукъ и знаній, нахожу я опору для себя, рѣшаясь говорить о предметѣ, который былъ уже поводомъ столькихъ системъ, мнѣній, споровъ, скажу даже толковъ, — говорить о значеніи физическихъ изслѣдованій и различныхъ направленіяхъ, которыя принимали они въ своей исторіи.

Умъ человѣческой, этотъ лучъ небеснаго свѣта, просіявшій въ брэнномъ тѣлѣ, по природѣ своей, чуждается тьмы, невѣдѣнія. Высшій законъ его бытія есть высшая степень самосознанія; слѣдовательно полное разоблаченіе впечатлѣній внѣшнихъ и внутреннихъ ощущеній. Зерно истины, стѣмя познанія, глубоко заронено въ душу чловѣка. Отъ того-то никакія препятствія, никакія силы не могутъ остановить его на пути къ изслѣдованіямъ о природѣ, которой разнообразныя, величественныя феномены первоначально являлись ему тѣмъ-то таинственнымъ, символическимъ. Много тысячелѣтій протекло съ

деніями, они создавали одні теоріи, кои, конечно, говорили о началѣ вещей, объ основныхъ стихіяхъ міра и т. д., но имѣли только силу предположеній. Очевидно, что подобный способъ изслѣдованія природы безъ прочнаго основанія, могъ только родить множество противорѣчащихъ гипотезъ, объ одномъ и томъ же предметѣ. Въ этомъ убѣждаемся мы, обращаясь къ системамъ древнихъ Греческихъ философовъ.

Вопросы, занимавшіе древнихъ, начиная отъ Фалеса до временъ позднѣйшихъ, относились болѣе къ утвержденію понятія о первоначальныхъ стихіяхъ міра. Должно сознаться, что высокіе мыслители древности, переносясь въ міръ идеальный, забывали міръ, подлежащій взору чувственному. Они, создавая теоріи о началахъ всего существующаго, имѣли самыя незначительныя познанія о предметахъ, подлежащихъ физическому изслѣдованію. И вотъ почему нерѣдко всѣ ихъ умствованія объ основныхъ стихіяхъ міра разрѣшались одними мечтами. Дѣйствительно, обращаясь къ изслѣдованіямъ ихъ объ отдельныхъ предметахъ изъ области Физики, мы видимъ, что всѣ результаты этихъ изслѣдованій были слишкомъ маловажны въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано въ этомъ отношеніи, во времена позднѣйшія. Послѣ всѣхъ своихъ попытокъ они не только не рѣшили вопроса о построеніи вселенной, который конечно составляетъ собою вѣнецъ всѣхъ усилій въ области физическаго знанія, но даже не составили надлежащаго понятія о самой землѣ и значеніи ея въ системѣ міровъ небесныхъ. — Познанія тѣхъ предметовъ, кои входятъ въ сферу ежедневныхъ явленій, были у нихъ не болѣе, какъ въ младенчествѣ. Всѣ свѣдѣнія ихъ о свѣтѣ, электричествѣ, магнитности, ограничивались одними началами. Аристотель, принимая свѣтъ за определенное состояніе тѣла прозрачнаго, создавалъ ложную теорію сего могучаго дѣятеля природы. Что же касается до свѣдѣній объ электричествѣ и магнитности, то древніе ограничивались только знаніемъ, что натертый янтарь притягиваетъ легкія тѣла, а магнитъ — желѣзо. Астрономическія изысканія имѣли у нихъ еще менѣе успѣха. Мнѣніе нѣкоторыхъ о неподвижности солнца было подавлено въ самомъ началѣ господствомъ того ученія, которое въ послѣдствіи Птолемеемъ приведе-

но въ полную систему. По его понятію, какъ вѣдѣно, земля находилась въ средоточіи міровъ, а солнце и планеты вращались около нея. —

Въ средніе вѣка система Птолемея не только не поколебалась, но напротивъ служила къ утвержденію новаго, столь-же страннаго, какъ и невѣрнаго воззрѣнія на природу. Все, происходящее въ мірѣ, обращало тогда на себя вниманіе только потому, что въ этихъ явленіяхъ думали видѣть какую то связь съ судьбою челоука, къ которому все существующее относилось, какъ къ своему средоточію, и на коего, по понятію тѣхъ временъ, весь міръ явленій дѣйствовалъ благотельно или разрушительно. Такимъ образомъ мнѣніе о добромъ и зломъ началѣ въ природѣ, симпатія и антипатія служили основаніемъ для объясненія всего происходящаго не только въ кругу одушевленныхъ существъ, но и въ сферѣ неодушевленныхъ предметовъ. Только грубое суевѣріе, равно пагубное и для ума челоуческаго, и для утвержденія всякой истины, могло найти въ природѣ сторону столь мрачную. Челоукъ, покоря судьбу свою всему окружающему, какъ бы страшился постигнуть явленія вѣтшія; — «*скровенныя качества*», служили для объясненія этихъ явленій. Такимъ образомъ, ученіе о природѣ, дошедшее отъ Грековъ и Арабовъ, приняло на западѣ совершенно другое направленіе.

Химія, обращенная въ Алхімію, имѣла преимущественною цѣлію отысканіе философскаго камня, т. е. обращеніе всѣхъ металловъ въ благороднѣйшіе, устраненіе всего, что можетъ дѣйствовать непріязненно на жизнь челоука и открытіе во всемъ благотельнаго начала. — Явленія сверхъестественныя, чудеса природы, почти исключительно занимали собою физиковъ того времени, на которыхъ современники смотрѣли, какъ на чародѣевъ. Вотъ степень образованности, на коей находилось тогда челоучество, все манило воображеніе таинственностію, и умъ, подавляемый суевѣріемъ, не смѣлъ расторгнуть завѣсу, скрывавшую отъ его взоровъ хотя простое и понятное, но вмѣстѣ дивное величіе природы. Это былъ глубокій, продолжительный сонъ, въ который погружена была умственная дѣятельность. Пробужденіе не могло совершиться тихо; — необходимо было впечатлѣніе сильное, которое потрясло

бы обветшали учения въ самой ихъ основѣ; необходимо было появленіе человека, одареннаго не только гениальнымъ умомъ, но твердою и смѣлою волею. Таковъ былъ гений Коперника. Съ другой стороны, открытіе Новаго Свѣта не могло не обратить всеобщаго вниманія на новое небо, на незнакомыя поколѣнія людей, на неизвѣстныхъ животныхъ и невѣдомыя растенія. Въ это время, безъ сомнѣнія, должно было обратиться къ окружающему насъ міру, для того, по крайней мѣрѣ, чтобы сравнить его съ открытіями новыми. Но это указало только на то, чего прежде не знали, о существованіи чего и не подозрѣвали. Гораздо затруднительнѣе для фанатическаго направленія тѣхъ временъ былъ подвигъ Коперника: смѣлая мысль о движеніи земли, должна была не только поколебать, но и совершенно разрушить вѣковое зданіе Птолемея. Лишь твердая увѣренность въ истинѣ могла признать ложнымъ то, что четырнадцать вѣковъ считалось непреложною истиною, могла увѣрить, что громадное, и, по видимому, непоколебимое зданіе есть произведеніе фантазіи, обманъ чувства. Чтобы постигнуть важность и смѣлость мысли Коперника, должно перенестись въ тотъ вѣкъ, когда умъ человѣческой, заключенный въ тѣсныя узы, прикованъ былъ къ земному. Коперникъ, разрушивъ систему Птолемея, указалъ на безконечность.

Мысль Коперника, разумѣется въ то время не могла не встрѣтить противниковъ; тѣмъ не менѣе однакожъ гениальный Кеплеръ, своими астрономическими изысканіями, подтвердилъ и доказалъ ее вполне. Открытіе законовъ движенія небесныхъ тѣлъ, передавши позднѣйшему потомству его имя, положило прочное основаніе нынѣшней астрономіи; но имя Кеплера принадлежитъ не одной этой наукѣ; онъ, равно какъ и современникъ его Галилей, уничтожая глубоко вкоренившіяся заблужденія древности, утверждалъ и распространялъ новыя истинныя ученія, до познанія коихъ оба они доведены были путемъ опыта. Ихъ открытія, образовали новый способъ изслѣдованія природы, и съ этаго времени не только для астрономіи, но и для физики насталъ совершенно новый періодъ, рѣзко отдѣляющійся отъ временъ предшествующихъ. Къ симъ гениальнымъ мужамъ должно по справедливости

присоединить еще Бакона Веруламскаго, который хотя не сдѣлалъ, подобно имъ, столь важныхъ открытій, однакожъ, сознавая недостаточность средствъ познать природу существовавшихъ до него путемъ, онъ указалъ новую дорогу по которой физики того времени устремились къ открытіямъ. Баконъ, считаемый обыкновенно Эмпирикомъ, первый отважился возстать противъ авторитета древнихъ, и съ этого времени въ способъ изслѣдованія природы замѣтенъ уже перевѣсъ на сторонѣ опыта. Опыты и наблюденія, дѣлаемая надъ природою, съ цѣлію изучить законы ея дѣйствій, повели къ важнѣйшимъ открытіямъ. Нѣтъ сомнѣнія что и прежде были производимы наблюденія надъ явленіями природы свободно-дѣйствующей, но опытъ, коего дѣло гораздо затруднительнѣе, собственно въ это время получилъ правильность и точность. При каждомъ явленіи въ природѣ, когда она дѣйствуетъ свободно, бываетъ столкновеніе многихъ случайныхъ причинъ. Опытъ долженъ устранить все постороннее, отдѣлить или упростить явленія сложныя и заставить этимъ природу дѣйствовать при извѣстныхъ обстоятельствахъ и отвѣчать на вопросъ, ей заданный. По этому, кромѣ совершенства орудій, нужно имѣть особенный даръ, произвести это отдѣленіе, какъ бы разлученіе посторонняго съ необходимымъ. Только тогда и возможно сдѣлать изъ опытовъ правильные выводы. Обращаясь ко времени Галилея и Кеплера, мы должны удивляться, до какой степени они обладали способностію производить опыты, — удивляться, что при всемъ несовершенствѣ инструментовъ, они могли сдѣлать столь важныя открытія въ области физики и астрономіи. Кеплеръ, коего изслѣдованія относятся преимущественно ко второй, первый объяснилъ законы, по которымъ лучи свѣта преломляются въ стеклахъ. Галилей опредѣлилъ законы паденія тѣлъ и законы качаній маятника, которые, въ послѣдствіи точнѣе изслѣдованные Гюйгенсомъ, послужили основаніемъ для важнѣйшихъ изысканій астрономическихъ. Почти въ это время Торичелли открылъ тяжесть воздуха и этимъ самымъ разрушилъ устарѣлое мнѣніе объ отвращеніи природы къ пустотѣ (*horror vacui*), этотъ остатокъ схоластицизма средних вѣковъ. Съ другой стороны великія открытія Галилея и Кеплера, высказан-

ныя въ математическихъ формулахъ, приготовами начала, на коихъ въ послѣдствіи построена была система Ньютона. Съ этого собственно времени начинается совершенно новый періодъ физики. Въ продолженіе его утвердился тотъ эмпирико-математическій способъ изслѣдованія природы, который хотя сохранился до нашего времени, однакожь, немощный и безсильный объяснить съ точностію и въ надлежащей связи дивное зданіе міра вѣшняго, долженъ уступить первенство способу, болѣе открытому, болѣе согласному съ существомъ самого мышленія.

Умъ человѣческой, устремившись путемъ опыта къ познанію природы, сдѣлалъ великія открытія въ области наукъ естественныхъ — и неудивительно! Въ это время, когда для человѣка все было еще ново, каждый шагъ впередъ открывалъ неизвѣстные дотолъ пути и средства; каждое открытіе, пролагало дорогу другому, новому. Такимъ образомъ, открытія, быстро смѣняясь другъ другими, мало по малу достигли высокой степени въ области физическихъ познаній. Ихъ богатствомъ и преимущественно приложеніемъ законовъ физическихъ къ многоразличнымъ нуждамъ самага общества, гордятся нынѣшніе физики. Никто, безъ сомнѣнія, не можетъ отвергать пользу и необходимость опыта въ кругу физическихъ изысканій. Должно однакожь замѣтить, что знаніе опытное есть только описательное, историческое. Посредствомъ опыта, многіе законы явленій въ отдельности изслѣдованы точнѣйшимъ образомъ; правильныя дѣйствія явленій опредѣлены съ математическою вѣрностію, но этимъ только и ограничивается дѣло опыта. Онъ слишкомъ безсильнъ, чтобы могъ проникнуть въ причины естественныхъ явленій, разгадать значеніе каждаго изъ нихъ въ природѣ, объяснить таинственные гіероглифы бытія. Конечно природа дѣйствуетъ открыто, высказываетъ свою сущность въ непрерывномъ рядѣ явленій, но первоначальныя причины сихъ явленій безмолвствуютъ, и простое чувственное наблюденіе, не можетъ исторгнуть изъ этаго таинственнаго молчанія проясненіе той загадки, къ разрѣшенію которой человечество стремилось въ теченіе вѣковъ.

Понимая истинное значеніе опыта, должно бы заключить по справедлив-

ности, что естествоиспытатели имѣли цѣлію открыть только правильныя дѣйствія явленій, не стараясь разгадать причинъ ихъ. Принимая за достовѣрное только то, что представляется чувствамъ въ точныхъ отношеніяхъ, подлежащихъ измѣренію и исчисленію, они не допускали существованія ничего такого, въ чемъ нельзя было убѣдиться опытомъ. Дѣйствительно, опытные физики сознавали всегда, что разумъ человѣческой не можетъ проникнуть во внутренность природы. Но къ сожалѣнію забывая, что это дѣлѣ менѣе доступно простому чувственному наблюденію, они постоянно усиливались постигнуть причины естественныхъ явленій, — вывести, такъ называемые, общіе законы ихъ. Очевидно, что надѣясь разными предположеніями объяснить первоначальныя причины явленій, они уже переступали границы опыта, а потому вступали въ противорѣчіе съ самими собою. Сковавъ умственную дѣятельность въ границахъ чувственныхъ впечатлѣній, они не возвышались надъ мимолетною сферою явленій вѣшнихъ. Разсматривая только вѣшнюю, проявляющуюся сторону природы, они не могли составить о сей послѣдней понятія, какъ о чемъ-то цѣломъ, стройномъ, дѣйствующемъ по неизмѣннымъ законамъ мірозданія. Изучая природу въ отдельныхъ явленіяхъ, они не усматривали тѣснѣйшей связи между ними и переходя отъ явленій къ ихъ причинамъ, не были въ состояніи покорить все разнообразіе міра вѣшняго одному основному закону; но во всемъ открывали новое начало и такимъ образомъ создавали теоріи, которыя хотя всегда противорѣчили между собою, однакожь тѣмъ не менѣе были принимаемы за достаточныя объясненія основныхъ законовъ природы. Опытные физики, какъ мы уже сказали, предполагали разсматривать природу въ однихъ вѣшнихъ явленіяхъ безъ всякаго притязанія на познаніе первоначальныхъ причинъ ихъ. Несмотря однакожь на это, механическая физика, не только въ послѣдствіи, но даже при самомъ своемъ началѣ, стремилась къ изъясненію качественного отношенія явленій. Ньютонъ, съ удивительною простотою изложилъ ученіе о тяготѣи тѣлъ. Выводя причины движенія небесныхъ міровъ, и объясняя эти законы взаимнымъ ихъ притяженіемъ, онъ удержался отъ изъясненія самага притяженія. Въ тоже время од-

накожь теорія истеченія, созданная имъ для истолкованія причины свѣта, служить убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ непрочности ученій, основывающихся на однихъ отдѣльныхъ явленіяхъ. «Теорія истеченія», какъ выражается одинъ изъ извѣстнѣйшихъ отечественныхъ физиковъ нашихъ ⁽¹⁾ «при свидѣльствѣ самыхъ поразительныхъ опытовъ, возведенная на степень почти очевидной вѣроятности, такимъ гениемъ, каковъ Ньютонъ, подкрѣпленная его же математическими доказательствами и ревностно поддерживаемая около столѣтія знаменитѣйшими учеными нашего времени, пала, затмившись отъ малаго пятнышка, замѣченнаго при соединеніи одного луча съ другимъ; эфиръ, забытый столько времени и тщетно гениемъ Эйлера колеблемый, во мракъ забвенія зазвучалъ снова.» Теорія сотрясеній Гюйгенса, принятая Эйлеромъ и подкрѣпленная въ новѣйшее время аналитическими изслѣдованіями, считается достаточною для объясненія почти вѣсхъ явленій свѣта.

Механическій способъ изслѣдованія встрѣтилъ болѣе затрудненій въ объясненіи явленій магнитныхъ. Мы показали уже, чѣмъ ограничивались познанія древнихъ о магнитныхъ дѣйствіяхъ. Въ среднія времена въ нихъ видѣли какую то таинственную дѣятельность природы, — дѣятельность, на которую смотрѣли съ боязнію. Мысль Гильберта о магнитности земнаго материка, при столь механическомъ направленіи физики тѣхъ временъ, казалась не болѣе, какъ произведеніемъ фантазіи. Въ послѣдствіи, желая проникнуть въ качественное значеніе магнитныхъ явленій, дѣлали наблюденія надъ движеніемъ магнитной стрѣлки въ разныхъ мѣстахъ земной поверхности. Несмотря однакожь на то, что дѣйствія магнетизма, еще въ XVII столѣтіи съ точностію были изслѣдываемы, причина магнитныхъ явленій, недоступная опытной точкѣ зрѣнія, оставалась тайною для физиковъ того времени.

Принимая за достовѣрное только то, въ чемъ можно увѣриться самими чувствами, опытные физики старались во всемъ открыть матеріальное начало. Съ другой стороны однакожь, не замѣчая въ явленіяхъ магнитныхъ веществъ

(1) Физика Павлова. Ч. I.

твенности, они должны были допустить, что нѣкоторые вещества могутъ ускользать отъ нашихъ чувствъ. Этимъ положеніемъ собственно физики переступили границы изслѣдованія опытнаго, принимая для объясненія причинъ естественныхъ явленій начала, въ законности коихъ не было возможности убѣдиться опытомъ. Грубое атомистическое ученіе было дальнѣйшимъ его слѣдствіемъ: тѣла распались на свои первоначальные атомы, познанія коихъ невозможно было достигнуть никакими способами; допущены были вещества невѣсомыя, коими думали объяснить дивныя явленія міра вѣшняго. Съ появленіемъ сихъ то веществъ, лишенныхъ существенной принадлежности каждаго вещества — тяжести, вмѣсто *сокровенныхъ качествъ* явились теплотворъ, свѣтотворъ, магнитическая, электрическая и гальваническая жидкости, какъ основныя начала, побуждающія природу къ непрерывной дѣятельности. При объясненіи явленій или приписывали особое качество принятой жидкости, или находили въ самомъ веществѣ особое строеніе. Въ опытахъ, которые дѣлались въ этомъ случаѣ, не обращали вниманія на то, что противорѣчило теоріямъ; все клонилось къ тому единственно, чтобы открыть въ явленіи согласное съ произвольно принятымъ началомъ.

Такимъ образомъ явилось множество теорій для объясненія естественныхъ явленій. Теоріи эти или вѣрнѣе предположенія, занимавшіяся изслѣдованіемъ явленій отдѣльности, находились между собою въ непрестанномъ несогласіи, чтобы не сказать противорѣчій. Несогласныя мнѣнія эмпириковъ о причинѣ магнитныхъ явленій до открытія электро-магнетизма и послѣ этого могутъ служить подтвержденіемъ сказаннаго.

Однажды и при томъ произвольно одаривъ природу какими то тончайшими невѣсомыми веществами, физики того времени прибѣгали къ сямъ веществамъ во всякомъ случаѣ, когда дѣло шло о причинахъ явленій, недоступныхъ для чувственного взгляда.

Въ этомъ убѣждаемся мы, обращаясь къ объясненію электрическихъ и въ послѣдствіи гальваническихъ и электро-магнитныхъ явленій. Истинное значеніе явленій электрическихъ не было постигнуто не только въ началѣ, когда из-

слѣдованія о нихъ не выходили за стѣны физическихъ кабинетовъ, но и въ послѣдствіи, когда убѣдились въ постоянномъ присутствіи электричества въ воздухѣ. Несмотря на разныя открытія касательно электричества, слѣдованія быстро одни за другими, физики прошедшаго столѣтія изумляясь могущественному дѣйствию этой планетной силы, дѣлали одни предположенія о ея причинѣ. Предположенія эти столь же механически объясняли значеніе электричества, какъ прежде теоріи въ томъ же родѣ служили для объясненія причинъ явленій магнитныхъ. Франклинъ, сведшій молнію въ храмину своего кабинета, производилъ опытъ въ обширнѣйшемъ его значеніи. При изслѣдованіи электричества облаковъ онъ вопрошалъ самую природу. И что же? Онъ увѣрился только въ присутствіи электричества въ тучахъ, увѣрился въ томъ, что уже многіе предусматривали по сходству явленій, сопровождающихъ молнію, съ явленіями электричества, возбуждаемаго искусственно. Но вопросъ о происхожденіи электричества атмосфернаго остался для него загадкою. Этотъ гениальный Франклинъ былъ основателемъ самаго механическаго ученія о причинѣ электрическихъ явленій; онъ былъ главою унитаріевъ. Въ настоящее время мнѣніе Симмера признается эмпириками болѣе удовлетворительнымъ. Къ сожалѣнію оно столь же матеріально, а почитается удовлетворительнѣе, конечно потому, что принявъ положенія дуалистовъ, удобнѣе подчинить дѣйствія электричества математическимъ вычисленіямъ.

Удивляться ли, что умъ человеческій, обладая въ своей сущности неизсякающимъ источникомъ творчества, не могъ возвыситься къ началамъ болѣе яснымъ и отчетливымъ, болѣе достойнымъ его? Нѣтъ! Исторія не разъ являла намъ примѣры подобнаго безсилія, чтобы не сказать косности въ мышленіи. Эпохи творчества въ литературѣ и въ мірѣ наукъ и знаній имѣютъ въ исторіи свое определенное время, которое зависитъ не отъ людей и не отъ сильныхъ міра сего. Какъ бы то ни было, вотъ та стѣпень, на которую возведены были объясненія электрическихъ и магнитныхъ явленій. Произвольно созданныя положенія физиковъ ни въ какой мѣрѣ не были достаточны для объясненія всѣхъ явленій міра внѣшняго. Въ этомъ соглашались сами эмпирики. Опытная

физика, усиливаясь объяснить всё многообразіе явленій механическимъ способомъ, всегда блуждала въ области туманной и какъ бы недовѣдомой. Всякое новое событіе, всякій новый фактъ, заставлялъ ее принимать начало новое, отдѣльное отъ принятыхъ уже. Съ другой стороны однакожь, обнаруживающаяся связь между явленіями, убѣждала опытныхъ физиковъ, которые по видимому не въ состояніи были усмотрѣть совокупнаго дѣйствія силъ природы, въ необходимости соподчинить явленія одни другимъ.

Открытіе гальванизма, въ которомъ въ послѣдствіи замѣчено соединеніе электрическаго, магнитнаго и химическаго процессовъ въ одно общее цѣлое, замѣчена въ одномъ актѣ полная совокупная дѣятельность всѣхъ трехъ стихій планетныхъ, могло бы совратить физиковъ съ дороги, которой въ теченіе двухъ столѣтій слѣдовали они столь постоянно и съ такимъ убѣжденіемъ. Можно было ожидать, что невзвѣшиваемыя вещества, окажутся наконецъ недостаточными для объясненія удивительныхъ дѣйствій гальваническихъ, — но напрасно! Эмпиризмъ продолжалъ господствовать.

Споры о причинѣ гальванизма, возникшіе при самомъ открытіи его, учрежденіе многихъ ученыхъ обществъ съ цѣлію изслѣдовать гальваническія явленія, устроеніе огромныхъ гальваническихъ снарядовъ, все вмѣстѣ подавало надежду къ разрушенію утвердившагося атомистическаго построенія природы. Гальваническая цѣпь должна была указать на могущественную дѣятельность природы, на *соединимый* процессъ въ ея жизни. Къ сожалѣнію, умы всѣхъ уже были направлены къ тому, чтобы допущеніемъ вещества невѣсимаго, объяснить разительныя явленія новаго открытія. —

Процессъ, въ коемъ первоначально обнаруживались электро-химическія дѣйствія, былъ принятъ съ изумленіемъ, но тѣмъ не менѣе причину могущественныхъ дѣйствій гальванизма старались объяснить по принятому масштабу. Путь былъ проложенъ, не трудно было слѣдовать по немъ. Всѣ пренія, имѣвшія впрочемъ свою полезную сторону, ограничивались только вопросомъ: имѣетъ ли гальанизмъ свою особенную причину, или всѣ дѣйствія его можно объяснить посредствомъ принятыхъ уже теорій? Мнѣнія ученыхъ по этому

предмету были раздѣлены. — Нѣкоторые вмѣстѣ съ Гальвани старались открыть въ гальваническомъ процессѣ новую причину, побуждающую природу къ дѣйствию, отдѣльную отъ прежнихъ, известныхъ. Другіе, поражаясь явленіемъ электричества, вмѣстѣ съ Вольтою, признавали все дѣйствія гальванизма произведеніемъ электричества. Мнѣніе Вольты восторжествовало. Такимъ образомъ атомистическія объясненія причинъ электрическихъ и магнитныхъ явленій (гальванизмъ вошелъ въ область электричества), утвердились во всей ихъ силѣ; ихъ дѣйствія, какъ произведенія особыхъ веществъ, были изслѣдуемы въ отдѣльности. — Только въ 1820-мъ году открытіе электро-магнитныхъ явленій, сдѣланное Эрштедомъ, явило совместное дѣйствіе электричества и магнетизма, и показало, что явленія эти находятся въ тѣснѣйшей взаимной зависимости. Здѣсь, равнымъ образомъ, слишкомъ явная ихъ связь убѣждала въ необходимости подчинить одно изъ сихъ дѣйствій другому, признать одно за причину другаго. Опять электрическое вещество восторжествовало. —

Разсматривая теоріи, или по выраженію эмпириковъ, тѣ общіе законы, коими они старались объяснить причины естественныхъ явленій, что находимъ мы въ нихъ согласнаго съ самою природою? Начала, служащая основаніемъ всѣхъ объясненій, обуславливаются ли самою необходимостью, какъ вѣрныя выраженія дѣйствій природы? Отвѣтъ положительный не можетъ имѣть здѣсь мѣста. Во всѣхъ эмпирическихъ теоріяхъ видны только произволъ и случайность. . . . Дѣйствительно! что значать эти невѣсомыя вещества, коимъ приписываются различныя качества? Какимъ путемъ Физика достигла до познанія атомовъ веществъ и тѣмъ болѣе, какимъ образомъ представилась ей возможность опредѣлить самыя формы этихъ атомовъ и промежутки, ихъ отдѣляющіе? Напрасно въ этомъ случаѣ указываютъ на опытъ. Опытный способъ изслѣдованія никогда не достигаетъ до послѣдняго условія вещества.

Слѣдующимъ положеніямъ эмпириковъ, міръ физическій былъ наполненъ тѣлами, кои въ порахъ своихъ вмѣщали воздухъ и все невѣсомыя вещества. Эти послѣднія, помѣщаясь одни въ порахъ другихъ, обособливались и по требованію физика являлись въ отдѣльности. Эмпирики видѣли въ природѣ, этомъ дивномъ

произведеніи Существа Верховнаго, только механическую, лишенную жизни массу. Произведеніе совершеннѣйшее, было для нихъ собраніемъ разнородныхъ предметовъ. По этому, вмѣсто науки о природѣ, которая должна быть вѣрнымъ снимкомъ со своего предмета, мы встрѣчаемъ, еще въ наше время, сборъ разнородныхъ свидѣній, предлагаемыхъ безъ всякой связи и въ безпорядкѣ. Физики, усиливаясь въ теченіе двухъ столѣтій дойти способомъ аналитическимъ до построения систематическаго ученія о природѣ, можно сказать, сооружали зданіе изъ драгоценныхъ камней, которое однакожь при всемъ наружномъ блескѣ, было шатко и непрочо въ основаніи, слагалось изъ разнородныхъ веществъ и ни въ какой мѣрѣ не могло похвалиться согласіемъ и связью частей.

Умозрительная физика (*), возымѣвшая начало свое въ Германіи, даетъ намъ совершенно другое, болѣе возвышенное понятіе о природѣ. Эмпирики разсматривали сію послѣднюю, какъ произведеніе, какъ предметъ простаго наблюденія. Напротивъ того, главнымъ основаніемъ изслѣдованій въ умозрительной физикѣ послужило то, что природа принимается не только, какъ произведеніе, но какъ производительность. Въ этомъ собственно и заключается существенное различіе системъ, относительно предмета ихъ изслѣдованій. Обращаясь къ природѣ, не видимъ ли мы повсюду той постоянной дѣятельности, той общей жизни, которая обуславливается непрерывнымъ разрушеніемъ и возобновленіемъ всего существующаго и пребывающаго въ ней? Наука о природѣ въ собственномъ ея значеніи, которая, какъ уже мы сказали, есть не иное что, какъ идеальный образъ самой природы, должна выразить намъ эту общую жизнь всего существующаго и пребывающаго въ ней. Для дости-

(*). Здѣсь разумѣемъ мы не динамическую систему Канта, о которой умалчиваемъ, какъ потому что объемъ нашего разсужденія не позволяетъ коснуться ея, такъ и потому, что, кажется, она не имѣла большаго успѣха. Физика эшихъ мыслишелей, говоритъ Шеллингъ, начинается тамъ, гдѣ надлежало бы ей кончиться. По этому способу изслѣдованія, все явленія природы усматриваются на высшей ступени своего осуществленія.

женія этой цѣли, умозрительная Физика не идетъ путемъ аналитическимъ, восходящимъ отъ частныхъ явленій къ ихъ причинамъ, но способомъ, противоположнымъ ему, синтетическимъ. Она должна указать намъ такую точку зрѣнія, съ которой бы можно было обозрѣть всѣ явленія міра внѣшняго и всѣ дѣйствія природы покорить одному основному закону. Явленія, подлежащія нашему изслѣдованію, физика должна объяснить не какъ что либо механически произведенное, случайное, но какъ событія міра, преисполненнаго жизни, какъ дѣло предвѣчнаго Слова Божія. Посему въ явленіяхъ, даже необъяснимыхъ для нашего ограниченнаго разсудка, она должна обнаружить не простую игру случая, но дѣйствіе силъ, намъ невѣдомыхъ. Избѣгая односторонности, она разсматриваетъ природу въ цѣлости съ двухъ сторонъ, какъ съ внутренней, составляющей основу всего организма, такъ и съ внѣшней, проявляющейся въ органическомъ совокупленіи предметовъ. Подобное философское воззрѣніе на природу, не увлекается одними внѣшними явленіями, не ослѣпляется разнообразіемъ предметовъ Для него все наружное, все проявляющееся не существуетъ безъ значенія внутренняго, высшаго. Для него нѣтъ разнообразія безъ единства. Если же, обращаясь къ міру, подлежащему нашему чувственному изслѣдованію, и усматриваетъ въ немъ безконечное разнообразіе, то въ этомъ не открываетъ различныхъ началъ, но обнаруживаетъ только, что все являющееся, происходя отъ единаго предвѣчнаго могущества, имѣетъ ступени въ своемъ развитіи, совершающемся последовательно, сообразно съ опредѣленными законами.

Въ таковой системѣ предметы физическаго изслѣдованія объясняются не механическимъ притяженіемъ и оттолкновеніемъ атомовъ, но динамически въ жизненномъ содержаніи. По этому свѣтъ, тяжесть и теплота — эти міровые дѣятели, — электричество, магнетизмъ и химизмъ — дѣятели планетные, принадлежащіе тремъ стихіямъ обитаемой нами планеты, должны построить собою систему природы въ наукѣ, какъ строятъ они ее въ дѣйствительности. Тогда природа явится не механическимъ собраніемъ разнородныхъ предметовъ не массою, лишенною жизни, но какъ цѣлое органическое бытіе, которое,

выразилось вполне совершеннѣйшимъ организмомъ чловѣка; — явится, какъ стройная система, въ коей последовательность частей въ высшей степени гармонируетъ съ цѣлымъ, въ коей органы и части ея состоятъ въ непремѣнной связи и зависимости между собою, такъ что все цѣлое дѣйствуетъ и живетъ во всѣхъ своихъ частяхъ, и на оборотъ, части могутъ обнаруживать дѣятельность и жизнь только въ соединеніи съ цѣлымъ.

Не смотря на то возвышенное, истинное понятіе о природѣ, которое возникло съ утвержденіемъ умозрительной физики, система эта при самомъ началѣ своемъ встрѣтила много противниковъ, такъ, что борьба умозрѣнія и опытности долгое время препятствовала дальнѣйшему распространенію ея. И теперь еще можно встрѣтить выраженія, что ученіе это увлекаетъ собою только молодья головы (*). — Не должно ли удивляться, что въ наше время, не взирая на то, что умозрительное ученіе принимаетъ законное направленіе, что начала свои оно основываетъ не на предположеніяхъ, но напротивъ всѣ выводы старается повѣрить опытомъ, многіе изслѣдователи природы смотрятъ на оба ученія не только, какъ на совершенно противоположныя одно другому, но какъ на такія, кои невозможно соединить въ одной наукѣ, — между тѣмъ, какъ умозрѣніе и опытъ только въ соединеніи своемъ могутъ образовать науку о природѣ въ цѣлости. Это тѣмъ болѣе достойно удивленія, что еще во времена отдаленнѣйшія, въ словахъ Бакона Веруламскаго, который возставалъ противъ схоластицизма среднихъ вѣковъ и котораго обыкновенно считаютъ чистымъ эмпирикомъ, можно встрѣтить выраженія о необходимомъ соединеніи способа эмпирическаго съ умозрительнымъ, — воззрѣній а priori съ изысканіями опытными. Онъ говоритъ: »Эмпирики, подобно муравьямъ, собираютъ и пользуются собраннымъ Догматики, подобно паукамъ, сами изъ себя ткуть паутину. Всѣхъ основательнѣе пчела, которая держится средины: она собираетъ сотъ изъ садовыхъ и полевыхъ цвѣтовъ и потомъ собственными силами очищаетъ и образуетъ его. — Такимъ образомъ должно

(*) Physikalisches Wörterbuch. VII. Band, Physik.

желать, чтобы рационализм и опытность соединены были в тѣснѣйшемъ и сятѣйшемъ союзѣ (!). « —

Всѣ возраженія физиковъ опытныхъ противъ умозрительнаго способа изслѣдованія, кажется, ограничиваются только тѣмъ, что будто умозрительная физика, построивъ природу а priori не нуждается въ опытѣ и что тѣ изысканныя математическія формулы, коими щеголяютъ новѣйшіе физики, оказываются излишними. * Умозрительная физика, въ собственномъ значеніи, не только не изгоняетъ изъ предѣловъ своихъ опыта, но, какъ мы сказали, требуетъ необходимаго соединенія его съ умозрѣніемъ. Въ тоже время, она пользуется помощію математики во всякомъ случаѣ, когда только возможно бываетъ формулою выразить правильныя дѣйствія природы внѣшней. * Въ подтвержденіе сказаннаго и въ опроверженіе возраженій Эмпириковъ, мы приводимъ здѣсь слова того, кто положилъ начало умозрительной физикѣ (*): » Первоначально мы знаемъ все изъ опыта и посредствомъ опыта; но предложенія опытныхъ, когда познаемъ ихъ необходимость, превращаются въ положенія а priori. — По этому знанія опытныхъ о явленіяхъ въ природѣ, изложенныя въ систематическомъ порядкѣ, должны быть необходимымъ органомъ для физики умозрительной, которая явленіямъ, познаваемымъ опытами и наблюденіями, даетъ настоящее значеніе, раскрываетъ смыслъ ихъ въ зависимости цѣлаго. И такъ соединеніе умозрѣнія и опытности есть необходимое условіе для образованія науки о природѣ въ высшемъ ея значеніи. Предметъ перваго составляютъ единственно начальныя причины движеній, вторая напротивъ, никогда не достигая до началъ, занимается движеніями вторичными. Первое разсматриваетъ внутреннюю пружину природы, предметомъ второй можетъ быть одна оболочка ея. » Дѣйствительно, если суждено человеку проникнуть внутреннее построеніе природы, если суждено постигнуть первоначальныя причины явленій, никогда необнаруживающіяся, то безъ сомнѣнія не иначе, какъ посред-

(*) Novum organum Scientiarum. Lib. I. Aph. 95.

(*) Введеніе въ умозрительную физику Шеллинга.

ствомъ мыслящаго нашего духа. Средства опытнаго изслѣдованія въ этомъ случаѣ оказываются слишкомъ слабыми и немоощными. Опытная физика, усиливаясь съ своей точки зрѣнія объяснить природу, увѣичалась атомистическимъ ея построеніемъ.

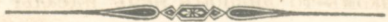
Эмпирики стараются подкрѣпить свои предположенія математическими доказательствами; а потому новѣйшіе курсы физики наполнены формулами. Неужели этимъ думаютъ они возвести свои предположенія на степень очевидности? Не кажутся ли странными выраженія, встрѣчаемыя въ современныхъ курсахъ, что какая либо теорія принимается болѣе удовлетворительною нежели другая, единственно потому, что положенія ея удобнѣе покоряются математическимъ вычисленіямъ? Средства Математики могутъ служить съ пользою и по необходимости пособіемъ въ физическихъ изслѣдованіяхъ, потому что предметъ ея есть міръ, облеченный въ ограниченныя и временныя формы; но какъ во всякомъ отдельномъ законѣ природы выражается опредѣленное отношеніе силъ ея ко времени и пространству, то въ каждомъ ея явленіи можно открыть математическій характеръ. Поэтому мы можемъ математически изслѣдовать законы распространенія свѣта, его отраженія и преломленія, законы дѣйствія тяжести, электричества, магнетизма и т. п. Но математика, не имѣя возможности коснуться качественного объясненія природы, никогда не можетъ повести насъ къ построенію ея (*).

Въ настоящее время физическія изслѣдованія въ отечествѣ нашемъ оказали значительный успѣхъ. По нашему мнѣнію, онъ заключается въ томъ особенно, что наука о природѣ получила у насъ не одностороннее, идеальное или эмпирическое, но именно то направленіе, которое одно по праву заслуживаетъ названіе законнаго, которое въ дружномъ примиреніи соглашаетъ опытъ и умозрѣніе, даритъ имъ равное значеніе въ наукѣ и направляетъ ихъ къ одной цѣли. Придетъ время, когда это отчетливое направленіе приведетъ

(*) Въ прошедшемъ году Г. Павловъ въ спашь, подъ рѣзкимъ заглавіемъ: «О неумѣстности математички въ физикѣ.» (Литер. прибав. къ Инвал.), весьма основательно и съ совершенною ясностію изложилъ отношеніе Математики къ физикѣ.

къ творчеству гениальному, къ созданію науки о природѣ столь же полной, стройной и изящной, какъ она сама Смотри на быстрые успѣхи просвѣщенія въ нашемъ благословенномъ отечествѣ, чего не можемъ мы надѣяться и ожидать въ великое царствованіе Державнѣйшаго Государя нашего? Вельніемъ НИКОЛАЯ все полезное для отечества, переносится съ Запада и разсаждается на родной почвѣ. Его отеческимъ попеченіемъ, любовь ко всему народному, высокому, укрѣпляется въ сердцахъ Русскихъ вмѣстѣ съ пламеннымъ желаніемъ возвысить любезную родину, какъ на полѣ брани и въ области гражданской дѣятельности, такъ и въ роскошномъ цвѣтнѣ наукъ, знаній и искусствъ И для чего собрались мы нынѣ, какъ не въ ознаменованіе Его великаго вниманія, къ развитію ученой дѣятельности въ нашемъ краѣ? Принесемъ же во глубинѣ сердецъ нашихъ искреннюю молитву, да продлитъ Всемогущій благословенные дни царствованія великаго Государя нашего, и да хранитъ Онъ ихъ *долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего вѣчнаго, кромѣ души человѣческой.* —

Адьюнктъ В. Левтеропуло.

ОБЪ ИЗЯЩЕСТВѢ

ВЪ ДРЕВНЕМЪ И НОВОМЪ МІРѢ.

Почтеннѣйшіе посѣтители!

Благосклонное вниманіе, которымъ Вы почтили нынѣшнее торжество, уже само собою ручается и въ искреннемъ участіи Вашемъ въ дѣлѣ наукъ и просвѣщенія, и въ любви вашей ко всему высокому и изящному. Въ этомъ участіи, въ этой любви я нахожу причину думать, что простое разсмотрѣніе изящества въ мірѣ Древнемъ и Новомъ не будетъ лишено вашего вниманія. Изящное въ душѣ многихъ тлѣетъ искрой, глубоко засоренной пепломъ житейскихъ помысловъ; но въ душѣ чловѣка образованнаго оно сіяетъ дивнымъ свѣтомъ и озаряетъ его жизнь. Вотъ почему, ММ. ГГ., смѣю думать, что если слово мое и невѣрно, и некраснорѣчиво и необѣдительно, то при всемъ томъ оно будетъ принято Вами ласково, какъ слово о томъ краѣ, въ которомъ жизнь теряетъ свою горечь, въ которомъ ржавая дѣйствительность преобразуется въ мірѣ свѣтлаго очарованія, и гдѣ жизнь, цвѣтя въ веснѣ, вѣчно зеленой, указываетъ въ какомъ-то дивномъ небѣ идеалы изящества нетлѣннаго, вѣчнаго Оно напомнитъ Вамъ и объ этой классически-прекрасной Элладѣ и о томъ исполнѣ, который силою разумнѣя и воли поработилъ природу вещественную.

Исторія изящнаго творчества начинается летописи свои отдаленнѣйшими временами рода чловѣческаго. На далекомъ Востокѣ, у южной подошвы исполинскихъ хребтовъ Тавра, мы находимъ и самое раннее народонаселеніе и древнѣйшіе памятники искусства. Памятники эти показываютъ, что чловѣкъ съ первыхъ временъ своего бытія уже пытался выразить во внѣшнемъ видѣ идеалъ изящества, глубоко сокрытый въ душѣ его! Но попытки сіи тогда не могли быть совершенны, не могли вѣнчаться успѣхомъ, ибо младенчество

было удѣломъ всѣхъ дѣятелей духовной жизни челоѵка, а вмѣстѣ съ ними и фантазіи, которая не отличалась спокойствіемъ, умѣренностію, свойственными младенцу. Нѣтъ! совсѣмъ инныя черты находите вы въ исполинскихъ храминахъ, избѣченныхъ таинственнымъ Висвакармоу внутри гранитныхъ скалъ Эллоре, — въ этихъ колоссальныхъ развалинахъ Пасаргады и наконецъ на всемъ великомъ полѣ развалинъ, коего пространство тянется отъ священныхъ береговъ Гангеса до Нила и песковъ Ливіи. Эти памятники, какъ и чудныя поэмы міра первобытнаго: Рамаѳна, Махабарата, какъ и лирической эпосъ Зендавеста, ознаменованы мрачнымъ, исполинскимъ величіемъ, которое, особенно въ ваѳни и живописи, иногда переходитъ въ чудовищную безобразность.

Въ первобытномъ мірѣ изящество идеальное, самобытное, было почти несознаваемо, быть можетъ потому, что впечатлѣнія природы слишкомъ сильно еще поражали юный духъ челоѵка и всѣмъ направленіемъ его дѣятельности сообщали какой-то хаотическій, смѣшанный видъ. Самобытно утѣрдиться и разцвѣсть всей полнотою внутреннихъ силъ этому изяществу суждено было на цвѣтушихъ поляхъ Греціи и въ сонмѣ ея классическихъ боговъ.

Если гений Греко-Римскаго изящества въ колыбели своей воспитался на оеургическихъ празднествахъ Индіи, то въ послѣдствіи, возмужавъ, онъ сохранилъ самыя слабыя слѣды этого воспитанія и достигъ самостоятельности, можно сказать, безусловной. Притомъ же Элины, со своею исторіей, знаменуютъ не только высшую степень въ жизни Древняго челоѵчества, но и высшее образованіе, полнѣйшій результатъ этой жизни, такъ что идеалъ изящества всего Дохристіанскаго періода нигдѣ не сіялъ въ такой чистотѣ, ясности и блистательномъ совершенствѣ, какъ на священныхъ вершинахъ Парнасса. Это самое позволяетъ намъ говорить въ настоящемъ случаѣ объ изяществѣ Древняго міра, преимущественно въ смыслѣ изящества Греко-Римскаго.

Весь міръ изящныхъ искусствъ въ древней Греціи имѣлъ основаніе свое въ образованіи духовно-изящной жизни самого народа. Образованіе это, по необходимости, было отвѣченнымъ выраженіемъ его организаціи въ дѣйстви-

тельной жизни, а потому я долженъ прежде обратить вниманіе на объѣ стороны природы челоѵка, чтобы потомъ тѣмъ удобнѣе перейти въ область искусствъ изящныхъ. Въ образованіе Греціи всѣ стихіи жизни челоѵческой вошли въ равной степени и, взаимно ограничивъ себя, совокупились въ одно стройное цѣлое. Такимъ образомъ здѣсь равно процвѣтали промышленность мануфактурная и торговая, искусства изящныя и ученость, гражданская жизнь и воинская доблесть. Все это притомъ находилось между собою въ совершенномъ равновѣсіи, такъ что ни одно изъ частныхъ направленій жизни челоѵка не обнаруживало своего вліянія на прочія и не запечатлѣвало ихъ своимъ частнымъ характеромъ. Въ Римѣ, напримѣръ, практической, житейской духъ проникалъ въ отдаленнѣйшія отрасли общественной дѣятельности. Въ Греціи, напротивъ, всякій родъ жизни развивался въ своихъ собственныхъ границахъ, не выходя изъ нихъ и отличаясь спокойствіемъ, умѣренностію. Замѣчательно, что и природа физическая вполне соответствовала сему счастливому соглашенію духовныхъ направленій челоѵка съ его чувственными стремленіями. Въ Греціи стѣсненное море облегло со всѣхъ сторонъ небольшой материкъ и, какъ-бы съ намѣреніемъ сочетать здѣсь вѣчное движеніе и безконечность океана съ безмолвнымъ однообразіемъ твердой земли, выдвинуло мысы и разсыпало на поверхности своей группы острововъ. Средоточное положеніе въ умѣренномъ климатѣ принесло тамъ въ даръ воздухъ самый чистый, благоарстворенный. Не какъ въ Индіи, гдѣ безпредѣльность моря и неизмѣримая высь горныхъ хребтовъ явно приводятъ мысль къ безконечному, — вы встрѣтите въ Греціи на небольшомъ пространствѣ и цвѣтуція равнины, и живую сеть потоковъ и рѣкъ, и цѣпи горъ не исполинскихъ, но дружно сливающихся съ облаками. Все сіе содѣлало это мѣсто самымъ достойнымъ на земномъ шарѣ служить храмомъ для гения Эллады, который завѣщалъ позднѣйшему челоѵчеству столь много ясныхъ, светлыхъ идеаловъ, — идеаловъ по преимуществу. Духовное образованіе должно было подпасть характеру сего соглашенія противоположныхъ стихій бытія, сему полному изяществу; — проявить себя въ гармоническомъ соединеніи

умственных способностей человека и сообщиться изящному творчеству, как частной только отрасли его духовной жизни. Изыщныя искусства посему должны были также согласить, уравновесить двѣ главныя свои стихіи: внутреннюю — идею и внѣшнюю — выраженіе оной. Соглашеніе сіе дѣлалось совершенно возможнымъ при томъ спокойномъ созерцаніи идей всегда неподвижныхъ и ясныхъ, которое такъ явно въ художественныхъ произведеніяхъ Древности. Оно было даже необходимо при той удовлетворительности и полнотѣ чувства, которая родила единый въ исторіи рода человеческого идеаль невозмущаемаго блаженства на землѣ, идеаль счастливой Аркадіи. А эта полнота чувства, эта определенность и какъ бы конечность идей, вели господство формъ въ особенности способныхъ проявить сіи свойства, — формъ, следовательно, образовательныхъ, пластическихъ. Періодъ высочайшаго совершенства Пластики, въ ея коренномъ видѣ: ваяніи, былъ въ отечествѣ Фидіаса.

Вотъ почему, ММ. ГГ., въ мірѣ Древле-классическомъ изящество выражалось въ самой жизни, и подобно самой ей всегда было съ одной стороны игриво и ясно, а съ другой очертательно, какъ ея образы. Идеаль этаго изящества носился надъ дѣйствительностію, но не переходилъ въ мірѣ освобожденный отъ оковъ чувства, не тревожилъ сердца и неприводилъ ума къ его крайнимъ задачамъ. Нѣтъ! это былъ идеаль стройнаго изящества формы, идеаль образности, Чтобы убѣдиться въ этомъ, вспомните, какъ развивался онъ въ художественныхъ созданіяхъ классическаго гения. Я не говорю о періодѣ Дедалидовъ, когда, по словамъ туземныхъ преданій, Циклопы, громоздя скалы на скалы, сооружали зданія, хотя исполненія, но чуждыя всякой красоты, когда произведенія Пластики ограничивались Эрмесами, — этими грубыми кумирами безъ рукъ и ногъ, или исподическими изваяніями въ родѣ Аполлона Амиклейскаго, или Зевса Высокаго. Нѣтъ! заря изящнаго въ Греціи осветилась пѣснопѣніями того чуднаго старца, который самъ, какъ творецъ народнаго эпоса, содѣлался для позднѣйшихъ временъ типомъ пѣвца народнаго. Его то отечество, берега Скамандра и Симонса, прославленные подвигами доблестныхъ героевъ Эліады, были родиной ея изящнаго гения.

Разсмотрите Иліаду, этотъ міръ героевъ и мужей доблестныхъ, которыхъ земное дѣло неразлучно съ дѣломъ Олимпа. Вы найдете въ ней то высшее, поэтическое просвѣтленіе жизни, въ которомъ каждое явленіе, каждая картина можетъ служить образцемъ пластической красоты. Вліяніе Иліады отразилось не только на всей позднѣйшей поэзіи Грековъ, но и на всемъ ихъ изящномъ творествѣ, на всей ихъ жизни. Пластическій, образный характеръ этой поэмы былъ конечно одною изъ главныхъ причинъ того, что среди изящныхъ искусствъ въ Греціи преимущественно предъ прочими процвѣтало ваяніе, въ коемъ образъ, форма всего способнѣе могутъ проявиться въ самобытной прелести. Въ поэзіи вы видите точно ту же образность. (*) Она не столько выражаетъ движенія сердца и чувства, сколько рисуетъ картины изъ жизни земной и заоблачной. Наконецъ и въ поэзіи, и въ ваяніи Древнихъ вы всегда найдете особую гомерическую полноту и оконченность образовъ, ясное созерцаніе Природы и существъ, которыми фантазія тогда столь роскошно надѣляла ее. Припомню, что блестящій періодъ изящнаго творчества въ Греціи начался со времени Пизистрата, когда рапсодическія пѣсни Гомеридовъ были собраны въ одно цѣлое. Припомню еще, что Фидіасъ и Пракситель изученіе искусства своего начали Гомеромъ.

И какое соответствіе представляютъ намъ поэзія и ваяніе въ развитіи этого идеала чувственной прелести. Въ нихъ обоихъ первоначально господствуетъ стиль суровый, жесткій, конечно потому что на этой степени идеаль изящнаго только просіяваетъ изъ за облачнаго неба первобытныхъ вѣрованій востока. Въ Эсхиловомъ Прометѣѣ, въ его Эвменидахъ еще господствуетъ стихія ужаса. Суровое, какъ бы недоступное величіе формы здѣсь во всей силѣ. Не то-ли же видимъ мы и въ строгихъ чертахъ Иры Аргосской, въ которой рѣзецъ Поликлета создалъ идеаль суроваго, женскаго величія, — обра-

(*) Подъ образностію мы разумѣемъ по свойству изящнаго предмета, по которому форма, внѣшній видъ этого произведенія, всего долѣ оспававливаетъ на себя вниманіе зрителя.

зецъ Матроны, и въ дивномъ произведеніи Фидіаса, въ Паладѣ Аттической, которая въ Партедонѣ служила символомъ жены воинственной и въ Римѣ была типомъ туземной *virago*? Не тотъ-ли характеръ видимъ мы и въ Дисковулѣ Капитолинскомъ и другихъ статуяхъ Мирона, олицетворившаго идеалъ Иракла, и въ Діадуменѣ, Дорифорѣ, Амазонкѣ и другихъ изваяніяхъ того же Поликлета, въ которыхъ крѣпость юнаго атлета въ полномъ согласіи съ прекраснымъ станомъ, и наконецъ — въ Фидіасовомъ Зевсѣ?

Спокойное величіе и полное просіяніе светлой, неприкосновенной прелести составляютъ собою отличительныя черты произведеній втораго періода. По крайней мѣрѣ онѣ характеризуютъ Софокла въ его трагедіяхъ, и особенно въ лучшихъ изъ нихъ, въ Эдипахъ, Антигонѣ и Электрѣ. Этѣ черты еще явнѣе однакожъ въ произведеніяхъ ваянія. Для этого стоитъ упомянуть о Діанѣ и Бахусѣ, въ которыхъ рѣзецъ Праксителя осуществилъ идеалы дѣвственнаго величія и счастливаго упоенія жизнью, съ такой удовлетворительностію, какая въ послѣдствіи не имѣла уже себѣ равной. Упомяну еще здѣсь объ этомъ дивномъ Аполлонѣ Питійскомъ, который обезсмертилъ бельведеръ Ватикана, и съ которымъ, по словамъ Винкельмана, не можетъ сравниться ничто изваянное рукою человека.

Но приходитъ пора и геній познаетъ свой западъ. Въ третьей порѣ развитія, въ ваяніи прелесть формы лишается своей цѣломудренности, дѣвственное наслажденіе оскорбляется чувствомъ соблазна; въ поэзіи — пластическая идея судьбы исчезла; боги Эхила улетѣли за Олимпъ и нѣтъ героевъ Софокла. Жизнь, житейскія страсти и помышленія составляютъ основную стихію трагедій Эврипида, послѣдняго изъ великихъ драматурговъ Эллады. Не идеальная красота, но соблазнительная прелесть господствуетъ въ ваяніи. Первый поворотъ отъ апогея возвышеннаго изящества къ паденію, хотя и безъ явныхъ признаковъ паденія, мы находимъ въ самомъ Праксидѣ. Онъ первый овеществилъ идеалъ Гетеры. Онъ первый, въ угожденіе знаменитой Фригѣ, обнажилъ прелестныя формы Афродиты-Анадіомены, въ которыхъ

чувственная красота поглощаетъ всякое духовное, нравственное выраженіе. Съ этого времени истинное изящество начало постепенно блекнуть. Предметами искусства содѣлались нецѣломудренныя сцены Ваханокъ и Сатировъ, или колоссы правильные, но бездушные, подобные Родосскому. После Александра Македонскаго искусства рѣшительно склонились къ своему упадку.

Такъ! дивное солнце изящества, въ Греціи, зарю своей имѣло пышнѣйшаго Гомера. Позднѣе оно взошло на небосклонъ, который покрытъ былъ еще тучами, какъ бы въ ознаменованіе недавней ночи. Софоклъ разсвѣялъ ихъ и водворилъ полное господство дня и свѣта. Въ трагедіяхъ Эврипида это солнце горѣло вечернимъ, прощальнымъ лучемъ.

Такимъ образомъ въ изяществѣ Древняго міра, которое въ Греціи достигло зенита своего развитія, мы видимъ прежде всего полное господство образности, полное равновѣсіе идеи съ формою, равновѣсіе, которое, какъ говорилъ я выше, было слѣдствіемъ совершеннаго согласія въ духовныхъ и вещественныхъ направленіяхъ общественной дѣятельности, видимъ далѣе что, въ слѣдствіе этого, идеалъ образной красоты Эллиновъ выразился преимущественно въ ваяніи, въ которомъ одномъ выраженіе, образъ, господствуетъ безусловно.

Другой отличительный характеръ изящества Древнихъ состоялъ въ томъ, что оно проявлялось не только въ созданіяхъ искусства, но въ самой жизни, въ самомъ дѣйствованіи. Обратите вниманіе даже на воинскую доблесть, вы увидите, что исторія должна была утѣковтчить въ своихъ лѣтописяхъ этотъ восторженный героизмъ и самоотверженіе, которые видимъ мы впервые на поляхъ Мараѳона и при Саламинѣ, и которые столь ясно говорятъ о преизбыткѣ силъ внутреннихъ, нравственныхъ. Персидскія войны для всего позднѣйшаго чело-вѣчества содѣлались классическимъ типомъ юношескаго одушевленія на поляхъ брани и жажды къ славѣ. Въ гражданской дѣятельности, въ быту домашнемъ, во всемъ у Грековъ виднѣнъ тотъ-же отпечатокъ чего-то высшаго, поэтическаго. Повторю здѣсь то, что некогда сказано было мною по этому случаю: Древніе, не выходя изъ круга ежедневныхъ дѣлъ и занятій, любили предаваться

порывамъ вдохновенія, мечтать о мірѣ, далеко отъ дѣйствительности, и въ умѣ населять природу видимую существами неосязаемыми, таинственными, но близкими къ человѣку. Только въ Греціи, гдѣ дѣйствительность и міръ идеальный такъ искренно согласились, могъ родиться Діогенъ. Только оды Пиндара исполнялись вмѣстѣ и въ пѣсняхъ и въ дѣйствованіи. Но припомните боговъ Греціи, столь краснорѣчиво оплаканныхъ Шиллеромъ. Припомните слова поэта:

Wo jetzt nur, wie uns're Weisen sagen,
 Seelenlos ein Feuerball sich dreht,
 Lenkte damals seinen goldnen Wagen
 Helios in stiller Majestät.
 Diese Höhen füllten Oreaden,
 Eine Dryas lebt' in jenem Baum,
 Aus den Urnen lieblicher Najaden
 Sprang der Ströme Silberschaum.

Jener Lorbeer wand sich einst um Hülle,
 Tantal's Tochter schweigt in diesem Stein,
 Syrinx Klage tönt' aus jenem Schilffe,
 Philomelas Schmerz aus diesem Hain.
 Jener Bach empfing Demeters Zähre,
 Die sie um Persäphonen geweint,
 Und von diesem Hügel rief Cythere
 Ach umsonst dem schönen Freund.

Идея безконечнаго, неопредѣленнаго бытія Вселенной совершенно стѣснилась, уравновѣсилась въ Греціи идеей конечнаго бытія человѣческаго. Необходимымъ слѣдствіемъ этого было то, что господство образности въ идеѣ изящнаго и связь изящества съ самою дѣйствительностію взаимно условливали себя въ мірѣ Древнемъ.

Я не буду преслѣдовать развитіе классическаго изящества въ Римѣ. Оно не могло здѣсь возвратиться къ своему прежнему величію, а напротивъ получило характеръ практической, — содѣлалось рабынею дѣйствительности. Въ Римѣ все, что относится къ области наукъ и искусствъ, было заносимо изъ благословенныхъ странъ Эллады, и получало тотъ житейскій, положительный характеръ, который, подобно заразѣ, мертвитъ всякую высшую, идеальную дѣятельность, и который въ градѣ Ромуловомъ господствовалъ во всей силѣ. Светлый міръ изящества далекъ отъ этихъ кровавыхъ, глэдiatorскихъ позорищъ, которыми въ Римѣ тѣшились праздность и одряхлѣвшій развратъ, — далекъ отъ этихъ воплей: *panem et circenses*, которыми чернь, упоенная ленью и жаждой наслажденія чувственнаго, оглашала стогны вѣчнаго града. Гораций, какъ бы завидуя Грекамъ, восклицаетъ съ грустію:

Grajis ingenium, Grajis dedit ore rotundo
 Musa loqui

Такъ! пѣвецъ суроваго и доблестнаго духа древнихъ Римлянъ понималъ всю слабость своихъ соотечественниковъ въ мірѣ искусства, постигалъ и испорченность нравовъ и близкое паденіе того исполннн, который въ ослѣпленіи не видѣлъ конца своему существованію.

Перехожу ко временамъ новымъ, разумѣя подъ ними три послѣднія столѣтія. Средніе вѣка, хотя имѣли свой совершенно особый идеалъ изящества; но въ мірѣ искусства, какъ и во всемъ, они служили только предварительнымъ и какъ бы вступительнымъ въ новѣйшій періодъ челоѣчества. Притомъ же въ настоящемъ случаѣ изящество Древности прямо и безъ всякаго посредства противопоставляется изяществу новыхъ временъ.

Образованіе духовной природы челоѣка является нынѣ совершенно въ другомъ видѣ, нежели оно было въ Греціи. Сущность духа, какъ жизнь, которая безпрестанно укрѣпляется и возрастаетъ, должна была взять перевѣсъ надъ прочими стихіями его жизни и рѣзко подчинить ихъ своему вліянію. Челоѣчество должноствовало сознать себя вполне, дать себѣ отчетъ во всехъ направленіяхъ своей воли, уразумѣть ихъ подлинное значеніе и отнести къ

главному дѣятелю жизни чловѣка: его разумному духу. Слѣды этого превосходства явно обнаруживаются во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности общественной. Въ промышленности, въ искусствѣ военномъ, въ гражданствѣ, въ мирѣ знаій, — вездѣ встрѣчаемъ господство теорій, системъ, разысканій, которыя свидѣтельствуютъ, что начало разума, потребность сознанія и отчета проникаютъ въ отдаленнѣйшія вѣтви нашего духовнаго бытія.

Изящное творчество также должно было подчиниться тому перевѣсу начала разумнаго, идеальнаго и изъ двухъ основныхъ стихій своихъ дать преимущество той, которая въ особенности относится къ области духа. Идея получаетъ полное превосходство надъ формою, которая, не будучи уже въ силахъ выразить всѣ сокровенныя и разнообразныя ея переливы однимъ цѣльнымъ, стройнымъ образомъ, принуждена, чтобы не пасть въ совершенномъ безсиліи, преслѣдовать и ловить ихъ только въ легкихъ и поверхностныхъ очеркахъ. Посему-то музыка, самое отвлеченное, общее, и, если позволено такъ выразиться, самое духообразное искусство, имѣетъ въ новѣйшія времена свой высочайшій періодъ. Въ музыкѣ идея художника получаетъ выраженіе, которое чуждо всего, что, по крайней мѣрѣ такъ явно, говоритъ о своей брѣнности и относительности; въ музыкѣ она можетъ свободно парить въ своемъ неразоблаченномъ, общемъ видѣ, ничуть не теряя при этомъ своей определенности и ясности для чувства. Вообще въ изящныхъ искусствахъ нашего времени, форма потеряла свой самобытный, пластическій характеръ и содѣлалась безпрекословною данницею идеи, которая, съ своей стороны, также должна была созрѣть, чтобы получить это первенство. А этой зрѣлости много способствовалъ открытый взглядъ на природу, которая уже не является чловѣку подъ таинственную завѣсою, но высказала ему свое значеніе въ откровеніи, данномъ еще въ первобытныя времена чловѣку. Искусства изящныя должны были также съ одной стороны запечатлѣться характеромъ идеальности, характеромъ мысли, хотя определенной, но общей, ускользящей отъ чувства внѣшняго, тѣлеснаго, за то близкой къ чувству внутреннему, духовному. Всякая прелесть образности, прелесть формъ исчезла. Ничто не прельщаетъ взора тѣлеснаго,

за то взоръ духовный имѣетъ гораздо болѣе пицн и мысль, не выходя изъ глубины своей сущности, созерцаетъ въ ней чертогъ, исполненный благодати вѣчной, блаженства несокрушимаго. Въ поэзіи нашего времени чловѣкъ является съ самой истинной, но имѣетъ и съ самой высокой стороны своего бытія. Она указываетъ въ душѣ его на Божескую ея сущность, которая просвѣчиваетъ изъ тмы своего тѣлеснаго покровя, отбѣгается ею и рисуетъ въ жизни чловѣка столь много разнообразныхъ переливовъ, блестящихъ всеми цвѣтами радуги, — переливовъ, кои иногда покрываются мрачнымъ облакомъ, за то чаще горятъ однимъ яркимъ солнцемъ.

Но этотъ характеръ идеальности не составляетъ собою еще отличительной характеристики изящнаго времени новѣйшихъ. Глубокое изученіе міра дѣйствительнаго, равно какъ и самое практическое направленіе общественнаго быта въ наше время, должно было также обнаружить свое вліяніе на изящную дѣятельность чловѣка. Искусство, какъ выраженіе жизни, не только не можетъ ей противорѣчить, но всегда служить полнѣйшемъ ея выраженіемъ. Начало разума, духъ теорій и разысканія свлится теперь проникнуть въ отдаленнѣйшія отрасли жизни чловѣческой и подчинить ихъ, во всемъ развитіи, своей особности. Изящное не можетъ избѣгнуть этого вліянія. Оно должно покориться духу времени, покориться той стихіи, которая преобладаетъ въ современномъ ему періодѣ чловѣчества. Въ самомъ дѣлѣ! что составляетъ собою во времена новыя существенное отличіе поэзіи, этого высшаго проявленія искусствъ изящныхъ, какъ не глубокое познаніе сердца чловѣческаго, познаніе міра дѣйствительнаго, исторіи, наконецъ самихъ законовъ искусства. Если позволено такъ выразиться, разумъ сухой, положительный, подорвалъ теперь собою фантазію со всеми ея играми и свѣтлыми чарами. Знаніе предполагаетъ дѣйствіе ума, синтеза, и всего болѣе противорѣчитъ обаяніямъ воображенія. Въ Греціи, на зарѣ исторіи, гдѣ жизнь еще не успѣла разоблачить своихъ суровыхъ истинъ и очаровывала чловѣка, фантазія должна была, по необходимости, унести за собою всю сферу его умственнаго бытія, далеко за предѣлы дѣйствительности. Воображеніе

могло быть тамъ въ полномъ разгуль, потому что разумнѣе, еще неукрѣпленое опытомъ, было слабо, чтобъ сосредоточить въ себѣ наблюденія надъ миромъ вышнимъ и дать себѣ въ нихъ положительный отчетъ. Въ наше время напротивъ, когда Христіанство положило первый краеугольный камень истинному Богопознанію и озарило свѣтомъ своимъ не только умы, но и сердца, изящное должно было прежде всего удалиться отъ чувства матеріальнаго и обратиться къ чувству духовному, нравственному. Обращение это, по всей очевидности, предполагаетъ собою зрѣлость духа. Чтобы прельщаться изгибами сердца, чтобы видѣть, какъ оно, брошенное въ юдоль жизни и предоставленное всей ея коловратности, стремится къ своему божественному источнику, нужно знать сердце и долгую лѣтнюю страданій, радостей, надеждъ и упоеній, взаимно смѣняющихъ себя въ его существованіи. — Нынѣ, когда человечество прожило столько тысячелѣтій, отчетливый, убѣленный съдинами опытъ укрѣпился со всей силой и овладѣлъ всеми направленіями духовной дѣятельности. Человѣкъ слишкомъ увѣрился въ дѣйствительности, слишкомъ цѣнить жизнь, чтобы увлекаться въ область мечтательности. Въ ней онъ не можетъ найти своихъ заветныхъ вѣрованій, помышлений. Онъ не свой въ этой области. Прелесть выраженія, красота формы для него бездушны. Нѣтъ, онъ ищетъ изящнаго, ищетъ совершенства въ той самой жизни, съ которою сдружился такъ искренно, которую знаетъ столь вѣрно, и въ которой, въ самомъ дѣлѣ, есть стороны, проявляющія изящество высшее, близкое къ предвѣчному роднику всего Благаго, высокаго. Поэтическія вѣрованія въ чародейныхъ духовъ, въ этихъ таинственныхъ спутниковъ жизни человѣка, существуютъ и теперь; но эти вѣрованія, постепенно теряя силу, имѣютъ всегда свое нравственное значеніе. Эти духи всегда въ большей, или меньшей мѣрѣ суть только олицетворенія невидимыхъ страстей человѣка. Вотъ почему изящество новыхъ временъ состоитъ не только въ чистой, безусловной идеальности помысловъ, но и въ положительной истинности образовъ и представлений. Бросимъ взглядъ на развитіе этого идеала красоты, чтобы потомъ тѣмъ удобнѣе можно было показать отношеніе его къ самой жизни общества.

Замѣчательно, что пластическія искусства, хотя въ позднѣйшихъ вѣкахъ оказали столько-же успѣховъ, какъ и въ Древности, но за то теперь они имѣли совершенно другое развитіе. Въ древней Греціи архитектура и ваяніе находились на высшей степени своего развитія. Въ періодъ Христіанства архитектура содѣлалась символомъ идеи безконечнаго, столь важной въ умственномъ образованіи Среднихъ вѣковъ, — оставила прелестную округлость куполовъ и высокими, остроконечными сводами устремилась къ небесамъ. Ваяніе, хотя и возстановляется въ наше время рѣзцами Кановы и Торвальдсена, но въ Греціи оно, какъ по всему видно, отжило однажды навсегда свой цвѣтущій періодъ. За то живопись, самый идеальный родъ въ изящно-образовательныхъ искусствахъ, взошла въ новомъ періодъ человечества какъ-бы на апогей своего совершенства, до котораго она слишкомъ далека была въ монументальныхъ рисункахъ Древности.

Съ тринадцатаго столѣтія, живопись, въ развитіи своемъ, оказала успѣхи немыслимые. Отцемъ этого искусства, по справедливости, считается Чимабуэ. Онъ первый одушевилъ печатію мысли рисунокъ, хотя еще грубый, но уже возвышавшій о дняхъ своего будущаго торжества. Джіотто, этотъ многосторонній гениальный художникъ XIII ст., и Мозаччіо, художникъ стольже сведущій въ законахъ своего искусства, какъ и гениальный, возвели живопись на ту степень, на которой красота формы, выраженія, не могла уже затмить въ ней изящества самостоятельно-духовнаго. Съ этого времени, высшимъ идеаломъ своимъ это искусство возымѣло превышечувственный образъ Богоматери и устремилось къ безпредѣльному совершенствованію. Идеаль Пресвятой Дѣвы, начертанный Рафаэлемъ въ его картинѣ: Мадонна въ облакахъ, является апофеозомъ всѣхъ совершенствъ красоты Божественной, какія только человѣкъ могъ выразить кистию. Запечатлѣнный дѣвственнымъ, цѣломудреннымъ выраженіемъ горячаго изящества, этотъ идеаль не чаруетъ фантазіи, не играетъ умомъ, не упоеваетъ чувства, но уноситъ всю душу въ сладостную область тихаго, благоговѣйнаго созерцанія, въ коемъ самобытность мысли исчезаетъ и остается только чистѣйшее слитіе ея съ идеєю изящества безусловнаго.

Справедливо замѣтилъ одинъ изъ соотечественниковъ нашихъ, что « послѣднимъ, заключительнымъ торжествомъ новой живописи осталась Рафаэлева картина Преображенія, гдѣ высокая задача Христіанства, таинственное пресуществленіе челоѣчества въ Божество рѣшается въ какомъ то чудномъ видѣніи. » Вы видите, ММ. ГГ., что изъ образовательныхъ искусствъ въ новѣйшія времена процвѣтало именно то, которое всего способнѣе выразить преимущество идеи надъ выраженіемъ, духовнаго надъ вещественнымъ.

Ничто однакожъ съ такою очевидностію не показываетъ, что отличительное направленіе новаго Европейскаго искусства, состоитъ въ проявленіи полнаго торжества идеи надъ формою, въ увлеченіи всякаго внѣшняго благолѣпія изяществомъ идеальнымъ, какъ необычайные успѣхи музыки. Еще въ Среднія времена Гвидо Аретинскій изобрѣтеніемъ нотъ, или такъ называемой Гармонической руки, привелъ это искусство въ систему и опредѣлилъ начала гармоніи. Не смотря на это, музыка оставалась долгое время въ младенчествѣ. Возвести ее на степень совершенства, по видимому недостижимаго, суждено было новѣйшимъ временамъ. Излишне былобы говорить въ этомъ собраніи о гениальныхъ произведеніяхъ Гайдена, Моцарта, Бетгоvena, Россини. Остается только изучать ихъ и теряться въ наслажденіи, приносимомъ симъ изученіемъ.

Въ живописи и тоническомъ искусствѣ нашего времени, мы видимъ полное господство идеальности. По сущности своей они не могли выразить того практическаго, разоблаченнаго взгляда на жизнь, который составляетъ собою другую отличительную черту изящнаго въ наше время. Проявить это предоставлено было поэзіи, которая во всемъ кругу изящныхъ искусствъ, служитъ самымъ явнымъ и многостороннимъ выраженіемъ духа времени и общаго взгляда на жизнь, господствующаго въ данномъ періодѣ.

Въ пѣснопѣніяхъ Среднихъ вѣковъ мы видимъ безусловное преобладаніе идеальности, которая осуществилась тогда въ идеяхъ религіи, любви и героизма. Здѣсь еще заря и свѣтлый разсвѣтъ жизни изящнаго гениа новѣйшихъ временъ. И только Данте дивнымъ метеоромъ горитъ на этомъ небѣ и даетъ знать собою, что со временемъ настанетъ новая, великая эпоха красоты, освобож-

денной отъ оковъ чувственныхъ. Три великіе поэта новѣйшихъ временъ знаменуютъ собою три степени въ развитіи поэтическаго изящества въ наше время. Это Шекспиръ, Гёте и Байронъ. Они относятся между собою, какъ Эсхиль, Софокль и Еврипидъ.

Спокойное созерцаніе жизни, съ ея самой истинной и высокой стороны, есть удые Шекспира. Онъ рисуетъ челоѣка, какъ онъ есть, съ величіемъ и слабостями его природы, съ его высокими помыслами и мелкими страстями. Высокая трагедія и язвительный комизмъ сливаются у Британскаго поэта въ какую то великую драму, гдѣ въ одномъ актѣ созерцаешь вмѣстѣ и исполняющееся дѣйствіе, и волю Провидѣнія, и игру страстей, — въ которой внѣшняя и внутренняя стороны жизни выводятся въ равной мѣрѣ на сцену. Шекспиръ въ своихъ трагедіяхъ есть не только историкъ вѣрный своей эпохѣ, но и мудрецъ глубокомысленный. Справедливо замѣчено было, что « никакой философъ не написалъ такой Психологіи, какую можно бы извлечь изъ твореній Шекспировыхъ. Надъ весьма многими сценами эта наука могла-бы дѣлать свои наблюденія, какъ надъ дѣйствительными событіями. » Шекспиръ не идеализируетъ дѣйствія. У него всюду жизнь; но не въ ежедневномъ, обычномъ своемъ ходѣ, а подъ жезломъ нѣкоего дивнаго чародѣя. Даже міръ духовъ, который поэтъ любитъ выводить на сцену, принимаетъ въ рукахъ его всѣ цвѣтистые отбѣнки дѣйствительности. Припомните его Макбета, столь удачно сравненнаго Шлегелемъ съ теченіемъ метеора, который въ началѣ едва замѣтенъ самому астроному и является только въ туманной дали на небѣ; но который потомъ съ такою силою стремится къ средоточію нашего міра, что приводитъ въ трепеть цѣлые народы. Припомните Гамета, въ которомъ бѣдствіе низвергается, какъ громовая туча, и внезапно разрушаетъ и Дачію, и ея престоль. Все падаетъ въ развалинахъ, но изъ сихъ самихъ развалинъ, подобно возрожденному Фениксу, возникаетъ новая, свѣтлая будущность. Обратите вниманіе на историческія трагедіи Шекспира, въ которыхъ восемь испанскихъ переворотовъ Британской исторіи представлены въ одной великой, чудной перспективѣ...

Шекспиръ, ММ. ГГ., не прельщаетъ. Для него потребно изученіе, и только изученіе это можетъ подарить наслажденіемъ. И наслажденіе это не есть обыкновенное: это — просвѣтленіе ума и сердца при всей самобытности мысли, — это своего рода ясновидѣніе, но отчетливое и уразумѣвающее.

Необытное величіе помысловъ, равно какъ и глубокое знаніе сердца и исторіи, достались въ удѣлъ и Гёте. Но къ нимъ онъ присоединилъ еще легкость и пѣжность стіля, необыкновенное изящество языка и тихое, сладостное върваніе въ горній міръ. Припомните Фауста, столь знакомаго у насъ. Припомните эту удивительную драму, въ которой небо и адъ переносятся на землю и въ лицѣ своихъ представителей разыгрываютъ мистерію, до сихъ поръ неразгаданную, не смотря на свою изумительную вѣрность съ жизнію. Если адъ и царство зла существуютъ въ этомъ мірѣ, то вѣрнѣе нельзя было изобразить ихъ, какъ представилъ ихъ Гёте въ лицѣ Мефистофеля. Это не человѣкъ, но существо, носящее образъ человѣка. Оно вышло изъ логовища золь нещасливыхъ и заражаетъ воздухъ дыханіемъ. Отъ словъ его, какъ отъ заразы, иссыхаетъ сердце и вянетъ духъ. Его рѣчи лепечуть соблазнъ и паденіе. Съ другой стороны, Фаустъ есть человѣкъ, въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова. Его сердце разорвано, умъ взволнованъ, все внутреннее основаніе его духовной природы потрясено. Онъ ищетъ блага и ослѣпленный постепенно болѣе и болѣе низвергается въ область бѣдствія. Но камя добра уничтожаетъ море зла. Такъ и здѣсь. Вся преступленія несчастнаго искупаются сознаніемъ собственной вины и паденія, такъ что въ самой пучинѣ страданій онъ находитъ для себя искру спасенія. Наконецъ вѣяніе небесной чистоты и добродѣтели не отражается ли въ этой бѣдной Гретхенъ, — вѣяніе, которое на время уступаетъ ядовитому дыханію ада, но которое возстановляетъ победу свою въ эпилогѣ, оканчивающемъ вторую часть и превосходящемъ можетъ быть все, что написалъ Гёте. Ни въ комъ върванія, помыслы и заветныя идеи новѣйшихъ временъ не достигли такого стройнаго и полнаго выраженія, какъ въ творцѣ Фауста. Хотите ли видѣть, какъ глубоко поэтъ зналъ Древность, Средніе вѣка, всю исторію человѣчества, — читайте его Ифигенію, Геца фонъ Берлихингенъ,

Тасса. Чтобы наслаждаться твореніями этого дивнаго генія, изученіе не требуется въ такой мѣрѣ, какъ у Шекспира. Итъ! Германскій поэтъ съ перваго раза увлекаетъ васъ въ свой міръ и заставляетъ благоговѣть предъ собою.

Въ поэзіи Байрона мы видимъ совершенно новое направленіе. Возвышенный, смѣлый лиризмъ проникаетъ у него всюду, даже въ чисто-эпическія его созданія. Недовольство настоящимъ, полное, грустное разочарованіе действительностію, безотчетное стремленіе за предѣлы жизни, фантазія буйная, неукротимая — вотъ отличительныя черты пѣвца Донъ-Жуана, — черты, которыя свидѣтельствуютъ, что творчество изящное, какъ бы недовольное самимъ собою, силится къ чему то далекому, чего само оно съ ясностію не постигаетъ. Въ созданіяхъ Байрона геній искусства поэтическаго, при всей крѣпости, свѣжести, при всѣхъ силахъ самого поэта, изобличаетъ уже нѣкоторую дряхлость. Этотъ геній не живетъ надеждою, но таитъ въ груди разочарованіе.

Выше сего я сказалъ, что новѣйшее творчество, въ мірѣ изящнаго, имѣетъ двѣ отличительныя черты: идеальность и истинность. Теперь, ММ. ГГ., мы видимъ, что Шекспиръ, этотъ Эсхилъ новѣйшихъ временъ, проявляетъ въ созданіяхъ своихъ полное господство истинности. У Байрона мы видимъ совершенно противное. У него всюду сама действительность, обыкновенная и непоэтическая, приѣмлетъ колоритъ идеальный. Во всѣхъ его эпическихъ поэмахъ, всегда виднѣтъ рѣзкій отливъ лиризма. Наконецъ Гёте, при своемъ великомъ, всеобъемлющемъ созерцаніи, соединилъ въ своихъ представленіяхъ и образахъ свѣтлѣйшую идеальность и самую вѣрную ихъ истинность.

Что касается отношенія изящества къ самой жизни, то мы видимъ, что въ Греціи это было изящество въ самой действительности, въ самой душѣ человѣка. Нынѣ, когда разумніе силится достигнуть величайшихъ результатовъ естества и вмѣстѣ съ тѣмъ нисходитъ до малѣйшихъ подробностей міра вещественнаго и жизни человѣка, когда воля смертнаго покорила океаны и весь шаръ земной, когда общество во всѣхъ направленіяхъ своей дѣятельности устремлено къ положительному, когда всякія мечты и

обаяніа исчезли, едва ли прелесть и красота могут сдружиться съ человекомъ въ такой мѣртъ, чтобы выразиться въ самой его жизни. Нѣтъ, — въ наше время существуетъ прелесть мысли, представленій, но не жизни. Человѣчество уже слишкомъ возмужало, слишкомъ покорило себя природу, чтобы мечты фантазіи могли такъ своевольно уносить и умъ и сердце человека въ свою надзвездную область, какъ это было въ міръ Древнемъ.

Такимъ образомъ, ММ. ГГ., изящество древняго міра состояло въ полномъ господствѣ образности, въ совершенствѣ и красотѣ формъ вещественныхъ. Это изящество при томъ было въ тѣснѣйшей связи въ самимъ общественнымъ и семейнымъ бытомъ народа. Во времена новѣйшіа изящество, напротивъ того, ознаменовалось съ одной стороны характеромъ идеальности, а съ другой печатію положительной, глубокой истинности своихъ созданій.

Симъ заключу слово мое. Судьба искусствъ изящныхъ находится въ ближайшей связи съ благоденствіемъ народа и его образованностію. Съ какою-же возвышенною надеждою, съ какою любовію должны мы взирать на великаго Монарха нашего, который столь щедро и великодушно покровительствуетъ развитію наукъ и изящныхъ искусствъ въ любезномъ отечествѣ. Великія дѣла НИКОЛАЯ Мудраго въ области просвѣщенія конечно принесутъ плоды обильные, вѣковые и царствованіе Его, нынѣ свѣтлое и лучезарное, будетъ для потомковъ источникомъ несокрушимаго благоденствія.

Магистръ К. Зеленецкій.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

О СОСТОЯНІИ И ДѢЙСТВІЯХЪ РИШЕЛЬЕВСКАГО ЛИЦЕЯ СЪ 31-го АВГУСТА

1837 ПО 20-е ІЮНЯ 1838 ГОДА.

ММ. ГГ.

Собраніе Ришельевского Лицея, которое нынѣ Вы почтили своимъ присутствіемъ, есть одно изъ самыхъ торжественныхъ и самыхъ достопамятныхъ, какія когда либо онъ видѣлъ въ недрахъ своихъ. Этимъ собраніемъ высшее учебное заведеніе Новороссійскаго края празднуетъ и окончаніе перваго двадцати-лѣтняго періода своего существованія, и заключеніе академическаго года, и начало новаго періода, въ который вступаетъ оно, осѣненное высокимъ вниманіемъ Монарха, даровавшаго ему 29-го Мая истекшаго года вмѣстѣ съ новымъ уставомъ и новое бытіе. Думаю, что въ эту минуту позволено возобновить въ Вашей памяти, милостивые государи, событія минувшихъ дней Лицея, чтобы потомъ тѣмъ удобіе изложить предъ Вами его состояніе и дѣйствія въ истекшемъ академическомъ году и заключить все это взглядомъ на будущность его, сколько это позволяетъ настоящее положеніе.

До 1817 года въ Одессѣ находились два учебныя заведенія: мужескій Благородный институтъ и Коммерческая гимназія съ классами Узднаго училища. Изъ нихъ, по уставу Лицея 2-го Мая тогоже года, образованъ былъ Лицей, коего первымъ основателемъ былъ Герцогъ Эмануиль Ришелье. Признательное правительство сохранило и передало потомству имя сего мужа въ самомъ названіи новоучрежденнаго имъ разсадника наукъ и образованности. По

уставу 1817 года, Лицей состоялъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ, которые назывались внѣшнимъ и внутреннимъ. Оба они хотя имѣли однихъ и тѣхъ же преподавателей и помѣщались въ одномъ зданіи; но совершенно различались между собою. Внутренній составлялъ собственно Лицей и содержалъ въ себѣ однихъ пансіонеровъ. Внѣшній (или по офиціальному выраженію: внѣшніе классы Лицея) содержалъ въ себѣ однихъ приходящихъ учениковъ, которые при выпускѣ пользовались меньшими правами, нежели пансіонеры. При внутреннемъ Лицеѣ находился Педагогическій институтъ, состоявшій изъ двадцати четырехъ питомцевъ, которые содержались на счетъ суммы, пожертвованной Герцогомъ Ришелье. Лицей, какъ внѣшній такъ и внутренній, дѣлился на пять классовъ. Въ каждомъ изъ нихъ курсъ ученія продолжался два года и науки преподавались бѣльшею частію на Французскомъ языкѣ. Кромѣ того при Лицеѣ находилось Училище правовѣденія и политической экономіи, въ которое поступали питомцы, кончавшіе курсъ наукъ. Здѣсь ученіе продолжалось такъ-же два года и производилось уже на отечественномъ языкѣ. Воспитанники Лицея, окончивавшіе въ немъ курсъ наукъ, утверждались, смотря по успѣхамъ, въ правахъ на классные чины. Таковы были главныя основанія, на коихъ учреждено было новое заведеніе, вошедшее въ составъ Харьковскаго учебнаго округа. Первымъ директоромъ его былъ Аббатъ Николь, известный педагогъ своего времени. Онъ слѣдовалъ особой системѣ воспитанія, которая вмѣстѣ съ самимъ ходомъ и способомъ преподаванія, удовлетворяла потребностямъ времени и потому доставила Лицею большую извѣстность. Порядокъ и способъ воспитанія, введенные Аббатомъ Николемъ, оставались и при его преемникѣ, Надв. Сов. Реми-Жилле. Они начали измѣняться когда мѣсто сего послѣдняго занялъ Надворный

Совѣтникъ Гейнметъ. Около этого же времени, и именно въ 1823 году, Лицей былъ отдѣленъ отъ Харьковскаго учебнаго округа и отданъ подъ особое управленіе Генерала отъ Кавалеріи Графа Ив. Ос. Витте.

Въ 1827-мъ году Директоромъ Лицея назначенъ былъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Орлай. По его мысли, въ началѣ 1828 года, система ученія въ Лицеѣ была измѣнена совершенно, и самый способъ образованія получилъ новое направленіе. Съ дозволенія Главнаго Правленія училищъ, пять лицейскихъ классовъ были преобразованы въ три отдѣленія, изъ коихъ въ первомъ находились три класса, соответствовавшіе классамъ начального училища, во второмъ четыре, соответствовавшіе гимназическимъ, и наконецъ въ третьемъ два класса философскаго отдѣленія, составленные изъ бывшаго класса философій и математики. Въ каждомъ изъ этихъ классовъ назначенъ былъ годичный курсъ ученія, и преподаваніе введено на Русскомъ языкѣ. Такъ называвшійся внѣшній Лицей уничтоженъ, а приходящіе ученики соединены на время ученія съ самими воспитанниками Лицея. Дополнительное училище правовѣденія и политической экономіи измѣнено было въ составъ наукъ и названо юридико-политическимъ отдѣленіемъ.

Вскорѣ по смерти Директора Орлая, и именно въ 1830 году, изъ Ришельевского Лицея и всѣхъ училищъ города Одессы образованъ былъ Одесскій учебный округъ, къ коему въ томъ-же году присоединены всѣ училища Бессарабской области. Попечителемъ этого округа назначенъ былъ въ тоже время Дѣйст. Стат. Совѣт. Покровскій. При немъ въ 1831 году въ системѣ лицейскаго ученія послѣдовала новая перемѣна: въ Лицеѣ введенъ проектъ Гимназическаго устава тогоже года. Изъ трехъ классовъ, соответствовавшихъ начальному училищу, и четы-

рехъ, соответствовавшихъ Гимназическимъ, образованы были семь классовъ гимназій. Философское и юридико-политическое отдѣленія остались безъ существенной перемѣны хотя въ каждомъ изъ нихъ введены были нѣкоторыя новыя науки. Въ 1833 году къ Одесскому учебному округу присоединены дирекціи училищъ: Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерніи и Таганрогскаго Градоначальства. По Высочайше утвержденному 25 Іюня 1835 года положенію объ учебныхъ округахъ, управленіе средними и низшими училищами Одесскаго учебнаго округа перешло въ томъ-же году отъ Правленія Ришельевскаго Лицея непосредственно къ самому Попечителю.

Съ наступившимъ годомъ Лицей, получа отъ великой десницы Монарха новое установленіе своего бытія воспріиметь конечно и новыя силы на поприщѣ отечественнаго образованія. Раздѣленіе Лицея на два отдѣленія: юридическое и математическое, равно какъ и учрежденіе курсовъ, общихъ для нихъ обоихъ, установленіе новыхъ правъ для студентовъ, оканчивающихъ курсъ ученія, уменьшеніе суммы, платимой пансіонерами, учрежденіе при Лицеѣ совета и наконецъ права и преимущества, дарованныя правительствомъ всѣмъ вообще служащимъ по ученой части, безъ сомнѣнія возведутъ Лицей на степень цвѣтущаго состоянія.

Вотъ, ММ. ГГ., краткій очеркъ событій Лицея въ первомъ періодѣ его существованія. Въ этомъ періодѣ, Ришельевскій Лицей, избирая разныя направленія въ педагогическомъ отношеніи, испытывалъ много перемѣнъ и преобразованій. Будемъ справедливы. Онъ имѣлъ въ числѣ членовъ своихъ мужей не только чистѣйшей правдивости, но образованныхъ и просвѣщенныхъ въ высокой степени; онъ выпустилъ много питомцевъ, которые отличились не поверхностнымъ, шаткимъ образованіемъ, но глубокимъ сознаниемъ

своего долга и обязанностей вѣрноподданнаго и гражданина, — которые все принесли радость и утѣшеніе въ нѣдра семействъ и пользу въ кругъ общественный.

Перехожу къ истекшему академическому году. Онъ былъ окончаніемъ этого двадцати-лѣтняго періода ученой и педагогической дѣятельности Лицея. Заключая этотъ годъ настоящимъ собраніемъ, Ришельевскій Лицей предлагаетъ благосклонному вниманію Вашему, ММ. ГГ., краткое обзореніе своего состава, событій, происшедшихъ въ немъ, и наконецъ изложеніе своихъ учебныхъ средствъ и пособій.

Нынѣ Ришельевскій Лицей считаетъ въ себѣ двѣсти восемьдесятъ учащихся въ гимназическихъ классахъ и двадцать студентовъ. Въ числѣ сихъ учениковъ и студентовъ Лицея находилось пансіонеровъ своекоштныхъ: двадцать шесть, казенно-коштныхъ: десять и въ Институтахъ педагогическомъ и восточныхъ языковъ: четырнадцать. Нѣтъ сомнѣнія, что Ришельевскій Лицей, составляя средоточіе и вмѣстѣ высшую инстанцію учебной дѣятельности въ Новороссійскомъ краѣ, будетъ считать въ себѣ постепенно бѣльшее число молодыхъ людей, ищущихъ высшаго образованія. Въ этомъ ручается и Всемилоствѣйше дарованный въ истекшемъ году новый уставъ, коимъ упрочиваются права и преимущества Лицея, и уменьшеніе платы за содержаніе пансіонеровъ при Лицеѣ съ 1,200 до 900 руб. въ годъ, не говоря объ единовременныхъ взносахъ.

Важнѣйшее изъ событій Лицея въ истекшемъ году есть поощреніе, которымъ Его Императорское Величество Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Его Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, осчастливили Лицей въ 6-й день Сентября прошедшаго года. Государь Императоръ и Великій Князь Наслѣдникъ, въ сопровожденіи блистательной свиты, всеподданнѣйше

встрѣченные директоромъ Лицея, сперва осмотрѣли воспитанниковъ, потомъ библіотеку, физическій и другіе кабинеты, классы, комнаты для занятій и спальни. За тѣмъ Августѣйшимъ посѣтителемъ представлены были профессора и чиновники Лицея. Его Величество Всемиловѣйше изъявилъ имъ свое благоволеніе за ревностную службу Отечеству. Посѣщеніе Лицея Государемъ Императоромъ и Цесаревичемъ Наслѣдникомъ Престола останется неизгладимымъ въ сердцахъ и памяти всехъ вообще членовъ этого заведенія.

Въ составъ чиновъ Лицея произошли слѣдующія перемѣны: Попечитель Одесскаго учебнаго округа Дѣйств. Статскій Совѣтн. Никифоръ Θεодоровичъ Покровский оставилъ управленіе Лицеємъ и его округомъ, чтобы успокоиться отъ продолжительныхъ трудовъ на поприщѣ отечественной службы. При этомъ Государю Императору благоугодно было наградить его чиномъ Тайнаго Совѣтника и ежегодною пенсією въ 6000 руб. Указомъ отъ 28 Іюля 1837 года Попечителемъ Одесскаго учебнаго округа Высочайше опредѣленъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Димитрій Максимовичъ Княжевичъ. Опредѣлены: иностранный докторъ философіи Андрей Брунь Профессоромъ чистой и прикладной математики; иностранный докторъ философіи Павелъ Беккеръ Адъюнктомъ Латинской и Греческой словесности съ порученіемъ ему профессорской каѣдры по тому же предмету; исправляющимъ должность профессора Химіи — кандидатъ Упсальскаго Университета Гассагенъ; Профессоромъ Русскаго Правовѣденія съ предоставленіемъ ему и каѣдры Энциклопедіи правъ — Надворный Совѣтникъ Архангельскій. Инспекторомъ Лицея назначенъ Надв. Совѣт. Деларю, а Инспекторомъ казенныхъ училищъ Одесскаго округа — Титулярный Совѣт. Дымчевичъ. Магистръ Зеле-

нецкій Высочайше назначенъ Цензоромъ при Одесскомъ Цензурномъ Комитетѣ. Уволенъ Инспекторъ Коллеж. Совѣтникъ Чановъ съ пожалованіемъ ему въ пенсію 2,400 руб. Профессоры: Дудровичъ и Пилмеръ уволены также съ пенсіями. Оба притомъ оставлены частными преподавателями: первый по каѣдрѣ философіи, а второй на мѣсто младшаго учителя Италіянскаго языка. (А)

Нѣкоторые изъ членовъ Лицея, независимо отъ исполненія своихъ должностей, занимались учеными трудами. Профессоръ Нордманъ составилъ на Латинскомъ языкѣ *описаніе животныхъ Чернаго моря*. Нынѣ по Высочайшему разрѣшенію онъ отправляется, съ пособіемъ 2,000 р. отъ казны, въ Парижъ для напечатанія сего сочиненія. Профессоръ математики Брунь помѣщалъ статьи своего сочиненія въ журналахъ *Bulletin scientifique de l'Academie de Sciences de St. Petersburg*. Сверхъ того онъ занимался *сбораніемъ задачъ и предложеній относящихся къ мнѣямъ втораго порядка*. Исправляющій должность Адъюнкта Мурзакевичъ напечаталъ свое сочиненіе: *Исторія Генуэзскихъ поселеній на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей*. Въ прошедшемъ году, съ разрѣшенія высшаго начальства, онъ сдѣлалъ новое археологическое путешествіе по Велико-Россійскимъ губерніямъ; нынѣ же, по порученію Его Сіятельства Господина Новороссійскаго и Бессарабскаго Генераль-Губернатора, занимается описаніемъ Одесскаго Музея древностей. Магистръ Зеленецкій издалъ свое изслѣдованіе *»значенія, построенія и развитія слова чловѣческаго и приложеніе сего изслѣдованія къ языку Русскому и продолжалъ заниматься составленіемъ Русско-Латинскаго Лексикона, коего первая часть уже поступила въ петать.*

За усердіе и ревность къ службѣ Всемиловѣйше награждены: орденомъ Св. Анны 3-й степени Профессоръ Стат. Совѣтн.

Дудровичъ; единовременною выдачею денегъ: Учители Кнорре, Будринъ, Эртель, Правитель Канцеляріи Артыновъ, Бухгалтеръ и Кассиръ Варницкій и Надзиратель Калинску. Три послѣдніе изъ этихъ чиновниковъ Лицея награждены чиномъ Титулярнаго Совѣтника, за выслугу съ усердіемъ положенныхъ лѣтъ. Удостоенъ изъявленія Монаршаго благоволенія докторъ при Лицеѣ Статскій Совѣтникъ Карузо. (В)

Изъ учебныхъ пособій по прежнему состояли при Лицеѣ: библіотека, физическій, минералогическій и зоологическій кабинеты, гербаріумъ и монцъ-кабинетъ. Библіотека считаетъ въ себѣ до 1,750 названій въ числѣ 4,900 томовъ. Въ этомъ числѣ въ истекшемъ году, Лицей приобрѣлъ до 138 названій въ 260 томахъ. Чтобы слѣдить за ходомъ наукъ и успѣхами просвѣщенія въ началѣ нынѣшняго года основанъ при Лицеѣ особый кабинетъ для чтенія журналовъ, въ которомъ получается до 40 періодическихъ отечественныхъ и иностранныхъ изданій.

Въ физическомъ кабинетѣ находилось всего 111 инструментовъ (С); въ минералогическомъ считалось 1,454 штуфа (D); въ зоологическомъ 3,305 экземпляровъ (E); въ гербаріумъ 12,850 экземпляровъ; въ монцъ-кабинетъ 800 серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ и 6 медалей.

Изъ этого краткаго обозрѣнія состава и дѣятельности Лицея, Вы могли видѣть, ММ. ГГ., что это высшее учебное заведеніе Новороссійскаго края, освѣщенное высокимъ покровительствомъ Всемилоствѣйшаго Монарха, продолжало и въ истекшемъ году стремиться къ точному и вѣрному достиженію своей цѣли. Протекло двадцать лѣтъ, какъ это заведеніе, всегда ревностное къ пользамъ Россіи, ежегодно приносить плоды свои на алтарь отечественнаго образованія. Нынѣ настало время обновиться силами

и въ эти минуты Лицей вступаетъ въ новый періодъ своего бытія, періодъ, которому теперь можно только обѣщать, но обѣщать полное и дружное согласіе съ пользами отечества, съ выгодами Новороссійскаго края и съ современнымъ состояніемъ Европейскаго просвѣщенія.

(А). Кромѣ того, Лекаръ Медико-Хирургъ Иванъ Умисса уволенъ отъ лекарской должности при Лицеѣ. На мѣсто его назначенъ также уволенный послѣ лекаръ Марино-Инглези. Учитель начальнаго училища Иванъ Варницкій уволенъ отъ преподаванія Латинскаго языка въ низшихъ гимназическихъ классахъ. Къ преподаванію этому допущенъ кончившій курсъ наукъ въ Ришельевскомъ Лицеѣ 14-го класса Шершеневичъ. Учитель музыки Иванъ Унгаръ уволенъ отъ службы при Лицеѣ; а на мѣсто его опредѣленъ Директоръ здѣшняго театральнаго оркестра Буфье. Старшій учитель Математики Карейша уволенъ съ сей должности и назначенъ Бухгалтеромъ при Лицеѣ. На мѣсто его исправляющимъ должность старшаго учителя назначенъ надзиратель за воспитанниками Пятинъ. Мѣсто же сего послѣдняго занялъ иностранецъ Гревсъ. Сверхъ сего по Высочайшему разрѣшенію объ опредѣленіи особыхъ при гимназіяхъ надзирателей за вольно-приходящими учениками, на таковую должность опредѣленъ 14-го класса Борцовъ. Должность Экзекутора и Казначея поручена Коллеж. Секрет. Ильченко.

(В). Сверхъ того чиномъ Кол. Секр. награжденъ служившій въ канцеляріи Лицея Авраамъ Ильченко.

(С). Въ томъ числѣ: для общей физики 27; для теоріи свѣта 21; для теоріи электричества, магнетизма и гальванизма 21; для те-

оріи теплоты 11; механическихъ снарядовъ 22. Сверхъ того астрономическихъ инструментовъ 7 и два большихъ глобуса.

(D). Въ томъ числѣ земель и камней 680 штукъ; солей 5; горючихъ минераловъ 10; металловъ 514; слоненыхъ породъ 238; окаменѣлостей 7.

(E). Въ томъ числѣ 330 птицъ; 15 амфибій; 60 рыбъ; 2,100 насекомыхъ и 800 червей.

НАУКОВА БІБЛОТЕКА ОУ им. І.І. МЕЧНИКОВА